Ученіе Св. Апостола Павла о христіанской жизни „въ Духѣ“ и его самобытная независимость.

Предположенія, будто Апостолъ языковъ сводитъ къ дѣйствіямъ Духа обычное теченіе христіанской жизни по эллинистическимъ вліяніямъ чрезъ посредство книги Премудрости Соломоновой, ибо ранѣе представлялись духовными яко бы только чрезвычайныя дарованія.—Невѣрность этой теоріи, поелику для св. Павла а) все христіанское бытіе являлось чудеснымъ и б) всегда допускало необычныя духовныя обнаруженія, а в) послѣднія связывались съ неизмѣннымъ христіанскимъ преображеніемъ.—Взаимоотношеніе Духа и Христа у Апостола.—Неправильныя толкованія о разныхъ освѣщеніяхъ и пониманіяхъ жизни христіанской у Апостола—со стороны Духа и съ точки зрѣнія вѣры; взаимная солидарность этихъ факторовъ и единство апостольскаго разумѣнія.

Предполагается, что св. Павелъ былъ новаторомъ, когда обычную христіанскую жизнь сталъ объяснять дѣйствіями Духа, между тѣмъ ранѣе понимались въ такомъ смыслѣ, будто бы, лишь чрезвычайныя дарованія. Однако второй пунктъ освѣщается невѣрно. Напротивъ, ясно, что по первоапостольскому пониманію христіанинъ неизмѣнно бываетъ со Христомъ и Христосъ непрестанно обитаетъ въ каждомъ христіанинѣ. Поэтому здѣсь нѣтъ ни спорадической случайности духовнаго вторженія, ни чудесной исключительности его проявленія, которое, выдвигаясь съ безпримѣрною отчетливостію, нимало не подавляетъ нормальнаго христіанскаго устроенія [862]). Отсюда очевидно, что предъ взоромъ св. Павла

[862]) Отсюда естественно, что Апостолъ не раздѣляетъ систематически необычайныхъ и ординарныхъ дѣйствій Духа (*Emil Sokolowski*, Geist und Leben nach den Schriften des Paulus, S. 1: These 4). По всѣмъ этимъ

не было воображаемой критикою крайности, и ему не нужно было трудиться надъ ея устраненіемъ, чтобы самому увлечься въ діаметральную сторону. Посему у него мы и не находимъ навязываемой адверсативности прошлому. Мы согласны, что эллинскій благовѣстникъ призывался быть организаторомъ христіански-соціальнаго режима для космическихъ условій и въ этихъ интересахъ долженъ былъ заботиться насчетъ обезпеченія обычнаго жизненнаго порядка, гдѣ всякая экстраординарность часто бываетъ даже нарушеніемъ и потрясеніемъ для здороваго прогресса. По смыслу своей миссіи онъ и сосредоточивается на томъ, чтобы обычное было у всѣхъ и всегда истинно христіанскимъ. Этимъ мотивируется, что у него христіанское облагодатствованіе внѣдряется въ существо человѣка и отражается въ ординарныхъ жизненныхъ отправленіяхъ. Вопросъ теперь и сводится къ рѣшенію задачи, дѣйствительно ли эта повсюдность спокойнаго функціонированія отрицаетъ спорадическую чрезвычайность и абсолютно несовмѣстима съ нею, такъ что для второй былъ бы необходимъ совсѣмъ другой агентъ? Все это раскроется намъ съ достаточною удовлетворительностію, когда усвоимъ апостольскій взглядъ на самое христіанское бытіе вѣрующихъ. Будемъ держаться преимущественно посланій, которыя относятся ко времени послѣ предполагаемаго кризиса—съ обращеніемъ къ эллинистическимъ стихіямъ. Таково въ особенности письмо апостольское къ Галатамъ, наи-

---

соображеніямъ, и съ библейско-богословской точки зрѣнія несправедливо полагать сущность религіи въ энтузіазмѣ (ср. выше на стрн. 600,574), хотя такое воззрѣніе нынѣ замѣтно выдвигается въ богословіи (по свидѣтельству Prof. *Ernst von Dobschütz,* Die urchristlichen Gemeinden: sittengeschichtliche Bilder, Lpzg 1902, S. V). Еще менѣе позволительно сводить „небесныя восхищенія“ св. Павла чуть не прямо къ истеріи (*Emile Lombard,* Les extases et les suffrances de l'Apôtre Paul: essai d'une interprétation de 2 Corinthiens XII, 1—10 въ „Revue de théologie et de philosophie“ 1903, № 5 & 6 [Septembre et Novembre], p. 480 suiv. 494 suiv.) въ формѣ невропатическихъ галлюцинацій sui generis (p. 490), при чемъ благовѣстнику приписываются и другія болѣзни — въ родѣ офталміи (p. 467 suiv. 490), но съ отрицаніемъ малярiи и эпилепсіи (p. 468 suiv.). Однако, не принимая послѣдней всецѣло и склоняясь въ пользу болѣзненной нервозности, *Ad. Harnack* все же допускаетъ, что въ Галатіи съ Апостоломъ случился эпилептическій припадокъ, яко бы предполагаемый намекомъ (въ Гал. IV, 14) на древній обычай отплевываться отъ подобныхъ несчастій: см. Medicinisches aus der ältesten Kirchengeschichte въ „Texte und Untersuchungen“ VIII, 4 (Lpzg 1892), S. 93—94. См. и кн. I, стрн. 759,273.

болѣе эксплуатируемое «критическими» авторами ради генетическихъ реконструкцій.

Въ чемъ же собственно и спеціально существо христіанской возрожденности? Лучше всего освѣщается это сравненіемъ съ прошлымъ. По своей грѣховной изможденности человѣкъ неспособенъ для добра, поскольку его ослабленныя силы сковываются узами плотяности и работаютъ на ея пользу. Хотѣніе благого не увѣнчается успѣхомъ и чаще сопровождается противоположнымъ результатомъ, ибо внѣшне побуждаемая энергія дѣйствуетъ лишь въ привычной и доступной ей области плотского богоотчужденія. Неудивительно, что для такой болѣзненности чистая яркость божественнаго закона служитъ только раздраженіемъ, усугубляющимъ тяжесть. Невозможность выполнить сопровождается неудержимымъ омраченіемъ заповѣди и фактически влечетъ сплошное нарушеніе, откуда получается сознательное преступленіе категорически выраженной воли Божіей. Этому Апостолъ училъ всегда, вездѣ и всюду, и итогомъ всѣхъ упорныхъ стремленій самаго искренняго ума у него называется «окаянство» окончательной безнадежности. Слѣдовательно, каждый изъ земнородныхъ безпомощенъ къ собственному созданію праведности и къ осуществленію ея нормъ. Для него избавленіе вѣроятно не иначе, какъ при томъ непремѣнномъ условіи, если онъ перестанетъ быть прежнимъ «я». Но разъ при этомъ жизнь сохраняется и достигаетъ наивысшаго расцвѣта, отсюда вытекаетъ, что бывшее доселѣ должно замѣниться другимъ, когда личность, поглощаясь имъ, мыслитъ, чувствуетъ и дѣйствуетъ въ этомъ новомъ сознаніи вселившагося субъекта. Тутъ человѣкъ умираетъ въ своей индивидуальной самобытности и сливается со своимъ освободителемъ до такого отожествленія, что преобразуется по нему, а тотъ какъ бы водворяется въ своего подражателя и функціонируетъ чрезъ органы его неуничтожимой персональности. Первый моментъ христіанскаго облагодатствованія будетъ самоотрицаніемъ совершеннаго разрыва со всемъ, что было и владычествовало до сихъ поръ. Въ этомъ начало возрожденія, которое возникаетъ и утверждается подъ знаменемъ безповоротнаго исповѣданія: «я уже не живу» (Гал. II, 20). Понятно, что—при своей истинности—это субъективное отрицаніе бываетъ неразрывно отъ объективнаго въ достоинствѣ оживотворящаго фактора, который является обязательно противнымъ всему предшествующему укладу. Смерть грѣху сопровождается оживленіемъ Христо-

вымъ, и этимъ мы необходимо убѣждаемся, что «въ оправданномъ живетъ Христосъ». Отъ грѣшной индивидуальности остается лишь внѣшняя оболочка плотяности, но отнынѣ человѣкъ, обитая въ ней временно, выходитъ изъ подъ ея господства вѣрою въ Сына Божія для почерпаемой изъ Него жизненности, почему дальше бываетъ мертвенною уже плоть, какъ ранѣе это было съ духомъ. Для этой новой стадіи бытія оказываются непригодными всѣ прежнія орудія, коль скоро они были приспособлены къ плотяной атмосферѣ, а искупленный бываетъ во Христѣ Іисусѣ, когда не имѣютъ силы и гдѣ фактически бездѣйственны и обрѣзаніе и необрѣзаніе (Гал. V, 6. VI, 15), которыми созидалась и заправлялась доблагодатная жизнь. Прерываются всѣ связи съ прошлымъ и исчезаютъ всѣ устои, державшіе человѣчество. Если же оно живетъ и по разобщеніи съ минувшимъ, то мы должны согласиться, что здѣсь предъ нами абсолютно «новая тварь» (Гал. VI, 15), ибо *древняя мимоидоша, се быша вся нова* (2 Кор. V, 17). Сраспинаясь Христу (Гал. II, 19), искупляемый чувствуетъ, что міръ по отношенію къ нему оказывается распятымъ и онъ взаимно для космоса (Гал. VI, 14). Христіанинъ бываетъ совершенно новымъ твореніемъ, *созданнымъ по Богу въ правдѣ и преподобіи истины* (Еф. IV, 24), поелику, во Христа крестившись, всѣ они во Христа и облеклись (Гал. III, 27). Въ итогѣ получается, что облагодатствованный отдѣляется отъ всего космическаго міротеченія и живетъ внѣ зависимости отъ него необычными рессурсами, для которыхъ тамъ нѣтъ ни источника, ни подобія. Со всѣхъ этихъ сторонъ человѣкъ возрожденный есть всецѣлое и воплощенное чудо историческаго міробытія [863]). Для послѣдняго онъ абсолютная загадка по своему возникновенію и бываетъ въ немъ только мимолетнымъ обитателемъ, поскольку жизнь каждаго сокрыта со Христомъ въ Богѣ (Кол. III, 3), и всѣ имѣютъ жительство на небесахъ (Филипп. III, 20). Въ этой области исчезаютъ всѣ космиче-

---

[863]) Ср. у *насъ* въ книгѣ: Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ (Спб. 1902), стрн. 112—113, и въ журналѣ „Странникъ“ 1902 г., № 7, стрн. 27—29. Вполнѣ понятно теперь, что въ ученіи о Духѣ у Апостола языковъ не усматривается развитія и по этому предмету воззрѣніе его остается одинаковымъ даже въ тѣхъ посланіяхъ, которыя считаются „девтеропавлинистическими“ (*Emil Sokolowski:* Geist und Leben nach den Schriften des Paulus, S. IV, и Die Begriffe Geist und Leben bei Paulus, S. VI).

скія различія іудейства и эллинства (Рим. X, 12) въ единствѣ братства Христова (1 Кор. XII, 13), въ которомъ нѣтъ ни іудея, ни язычника, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго (Гал. III, 28. Кол. III, 11), потому что всѣ отожествляются между собою при безусловной непричастности такихъ особенностей къ нимъ въ качествѣ сыновъ Божіихъ. По всему и во всемъ они не отъ міра, а надъ міромъ.

Вотъ въ какихъ формахъ рисуется у св. Павла христіанское обновленіе. Вся его оригинальность состоитъ въ томъ, что оно зарождается и функціонируетъ исключительно божественнымъ Избавителемъ. По этой причинѣ Христосъ бываетъ неотлучною внутреннею силой въ каждомъ вѣрующемъ, но фактическое основаніе для сего коренится въ устраненіи всѣхъ прежнихъ факторовъ. Значитъ, это всегдашнее соприсутствіе Христово есть величайшая повсюдная сверхъестественность и всякій членъ благодатнаго союза бываетъ несравнимою и необычайною новостію во всѣхъ своихъ отправленіяхъ. Развѣ это не вполнѣ сходно съ первохристіанскою картиной, на которой мы видѣли, что всѣ искупленные созидались и опредѣлялись чрезвычайными дарованіями облагодатствованія Христова? И вся разница будетъ та, что ранѣе эта чрезвычайность овладѣвала человѣчествомъ путемъ поразительныхъ обнаруженій, а теперь открывается, что она затѣмъ проникла во весь строй и сдѣлалась нормальною въ самой своей чрезвычайности, коль скоро все бытіе поднимается до нея и пропитывается ею.

Разумѣется, на этой почвѣ возможны и вѣроятны и особенныя проявленія чрезмѣрной напряженности. Апостолъ ясно свидѣтельствуетъ объ нихъ въ примѣненіи къ своему личному благовѣстническому подвигу и для своихъ церковныхъ общинъ. Замѣтимъ, что Дѣеписатель усвояетъ чудесность св. Павлу не менѣе, чѣмъ и Петру, изображая благовѣстническое строительство ихъ тожественнымъ по необычности. Это въ точности подтверждается извѣстіями посланія къ Галатамъ. Въ немъ говорится, что на апостольскомъ собраніи въ Іерусалимѣ была санкціонирована равноправность автора, ибо столпы усмотрѣли (II, 7: ἰδόντες) и потому признали (II, 9: γνόντες), что и ему — наряду съ Кифой — ввѣрено Евангеліе необрѣзанія. Убѣжденіе это было достигнуто осязательною наглядностію, поелику способствовавшій одному содѣйствовалъ и другому (II, 8), при чемъ результаты были доступны наблю-

денію. Ясно, что разумѣются факты миссіонерской практики, гдѣ констатируется взаимообщеніе личной силы человѣческой и привходящей божественной, откуда необходимо получалось сочетаніе экстраординарное. Въ такомъ случаѣ едва ли позволительно оспаривать, что это были тѣ знаменія и чудеса, о которыхъ Павелъ и Варнава разсказывали на апостольскомъ соборѣ при отчетѣ о миссіонерскомъ опытѣ своего перваго путешествія (Дѣян. XV, 12) [864]). Въ данной связи пріобрѣтаетъ непререкаемую важность и самосвидѣтельство апостольское о премногихъ откровеніяхъ Господнихъ съ восхищеніями на небеса (2 Кор. XII, 1 сл.). Это показаніе ослабляется критическими гаданіями о композиціи второго посланія къ Коринѳянамъ при допущеніи всевозможныхъ разчлененій и урѣзокъ. Но что́ бы ни было добыто по этому предмету,— Галатійское извѣстіе всегда будетъ подтверждать, что чрезвычайность вліянія божественнаго Апостолъ усвоялъ себѣ не только до предполагаемаго перелома съ наклономъ къ эллинскимъ концепціямъ, а носилъ эту вѣру съ собою неизмѣнно. И характерно, что въ его глазахъ это не было нарушеніемъ обычной христіанской настроенности, ибо служило къ тому, чтобы вселялась сила Христова въ немощь человѣческую (2 Кор. XII, 9). Тутъ сверхъестественность питала и поддерживала христіанскую нормальность, какъ въ первенствующей Церкви послѣдняя созидалась духовными дарами. Въ этомъ пунктѣ аналогія несомнѣнна, и она простирается на жизнь всей семьи вѣрующихъ. Въ этомъ отношеніи незыблемо, что для св. Павла всѣ обращенные имъ были его духовными дѣтьми (Гал. IV, 19), которые во всемъ должны формироваться по подражанію своему отцу (1 Кор. XI, 1). Неизбѣжно, что учитель повторялся до извѣстной степени въ своихъ учениковъ. И мы читаемъ о поданіи Духа Галатійцамъ и о совершеніи у нихъ чудесъ (III, 5: ὁ οὖν ἐπιχορηγῶν ὑμῖν τὸ πνεῦμα, καὶ ἐνεργῶν δυνάμεις ἐν ὑμῖν, ἐξ ἔργων νόμου ἢ ἐξ ἀκοῆς πίστεως;). И поскольку «силы» связываются съ вѣрою,—этимъ категорически внушается, что въ ней кроется неустранимая возможность подобныхъ актовъ. Вѣра христіанская чудесна по своей природѣ и неизмѣнно остается чудотворною, хотя эта потен-

---

[864]) Ср. у *насъ* въ книгѣ: Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ, стрн. 79—80, и въ „Странникѣ“ 1902 г., № 6, стрн. 1109—1110.

ціальность обнаруживается не во всякое время и не въ одинаковой степени. При такихъ условіяхъ принципіально нельзя согласиться, яко бы признаніе даровъ духовныхъ было преходящимъ убѣжденіемъ, отъ котораго благовѣстникъ отказался и потомъ началъ исповѣдывать просто непрерывное дѣйствіе духовности. Подобное отверженіе немыслимо уже потому, что противорѣчило бы самому существу спасающей вѣры. Но это былъ коренной догматъ всѣхъ апостольскихъ упованій, и св. Павелъ никогда не рѣшился бы пожертвовать ни единымъ его элементомъ. По всему этому у Апостола получаетъ незыблемое оправданіе исконная доктрина о постоянной законности чрезвычайныхъ дѣйствій Духа въ христіанскихъ обществахъ, пока они пребываютъ истинно вѣрующими.

Понятно, что въ этомъ обоснованіи трактуемый предметъ почерпаетъ и специальное освѣщеніе. Духовная чудотворность тѣсно сочетавается съ вѣрой, а эта, бывая подлинно живительною и искупляюще-благодатною, концентрируетъ всѣхъ во Христѣ съ достоинствомъ братьевъ и доставляетъ богосыновство. Вѣрующіе суть дѣти Божіи и объединяются въ Богѣ по своему духовному бытію. Въ этомъ видѣ вѣра приводитъ къ единому своему производителю, отъ котораго исходятъ и всѣ ея частные акты, тожественные между собою по своему возникновенію и равные для интересовъ достиженія реализуемой чрезъ нихъ цѣли божественнаго промышленія. Съ этой точки зрѣнія непреложно, что и духовныя дарованія, выростая на почвѣ вѣры,—при всемъ различіи внѣшнихъ обнаруженій—должны быть строго едины по своему источнику, ибо «все сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно» (1 Кор. XII, 11). Съ этой стороны дарованія бываютъ взаимно солидарны и по самой своей содружной приспособленности равноцѣнны въ качествѣ совмѣстныхъ средствъ для раскрытія и утвержденія намѣреній первовиновника. Таково соотношеніе дарованій духовныхъ. Они созидаются на фундаментѣ вѣры и посему бываютъ прочными не иначе, какъ если эта опора крѣпка и сохраняетъ всю свою непоколебимость. Дары бываютъ только при вѣрѣ и потому лишь при ней имѣютъ надлежащее значеніе, но они являются какъ бы сверхъ вѣры, когда она уже раскроется и доколѣ функціонируетъ въ своихъ непосредственныхъ отправленіяхъ. Отсюда вытекаетъ, что для появленія и плодотворности дарованій требуется, чтобы вѣра обнаружилась вполнѣ въ своихъ натуральныхъ свойствахъ,

безъ чего тѣ лишаются опоры для своего надлежащаго примѣненія. Но благодатною мощію вѣры требуется, что она непремѣнно дѣйствуетъ изъ себя самой любовію (Гал. V, 6) [865]) и безъ нея не бываетъ жизненною, ниспадая до уровня обрѣзанія и необрѣзанія, поелику вторая не придатокъ, а необходимое отраженіе самой души вѣры. Тогда для нашего вопроса формулируется, что безъ любви, воплощающей въ себѣ самое существо христіанской вѣры, ничтожны всѣ дарованія духовныя, которыя будутъ пустыми диковинностями—безъ прочныхъ основъ и безъ воспріемлющаго приложенія (1 Кор. XIII, 1 сл.). Вмѣстѣ съ этимъ мы видимъ, что духовныя «дѣйства силъ» всегда возможны при вѣрѣ, но не безусловно въ ней обязательное у всѣхъ и въ каждую минуту, потому что они не составляютъ ея обычной функціи, служа чрезвычайными спутниками и высшими свидѣтелями нормальнаго развитія до преднамѣченнаго идеала. Въ этомъ смыслѣ они преходящи и исчезнутъ совсѣмъ, когда увѣнчается подвигъ вѣры абсолютнымъ завершеніемъ (1 Кор. XIII, 8). Наоборотъ, вѣра рѣшительно невозможна безъ любви, гдѣ исчерпывается все ея собственное бытіе. Поэтому любовь не прекратится, будучи вѣчною (1 Кор. XIII, 8). Къ ней нѣсколько приближается еще надежда, но, вырастая изъ вѣры, она бываетъ упованіемъ на то, что содержитъ и обѣщаетъ праведность. Такъ объ ней и сказано, что ἡμεῖς πνεύματι ἐκ πίστεως ἐλπίδα δικαιοσύνης ἀπεκδεχόμεθα (Гал. V, 5). Здѣсь вѣра рисуется источникомъ, который фактически надѣляетъ соотвѣтственнымъ благомъ при посредствѣ сообщеннаго чрезъ нее Духа. Очевидно, что вѣра произвела все свое дѣйствіе, а ближайшимъ и необходимымъ для нея бываетъ оправданіе въ доставленіи людямъ правды Божіей. По этой причинѣ апостольскую формулу совсѣмъ нельзя относить къ ожиданію (полученія) самой праведности, разъ послѣдняя тутъ мыслится заранѣе данною въ осуществившейся вѣрѣ. Неотразимо, что это *не* надежда *на* праведность, *но* надежда *отъ* праведности всего того, что она имѣетъ доставить въ свое время окончательнаго пожинанія (ср. Гал. VI, 9) [866]). Но понятно, что въ

[865]) См. въ *нашей* книгѣ: Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ, стрн. 119—120, и въ журналѣ „Странникъ" 1902 г., № 7, стрн. 35—36.

[866]) См. у *насъ*: Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ, стрн. 119, и въ „Странникѣ" 1902 г., № 7, стрн. 35.

эту эпоху реализаціи всѣхъ чаяній не будетъ мѣста для надежды (ср. Рим. VIII, 24), которая и устранится обладаніемъ. Надежда есть тоже не вѣчный моментъ и не заключаетъ въ себѣ самаго существа вѣры, будучи живымъ и отраднѣйшимъ ея рефлексомъ. Вопреки сему любовь бываетъ для вѣры эссенціальною внутреннею силой самой ея жизни и въ своемъ всесовершенномъ развитіи исчерпываетъ всю энергію, лишая ея особой самобытности. Тутъ вѣра переходитъ въ вѣрующую любовь и поглощается въ ней. Этимъ отчетливо раскрывается, что одна любовь не перестаетъ и въ троицѣ благословенныхъ даровъ христіанскаго возрожденія является бо́льшею вѣры и надежды (1 Кор. XIII, 13). Для спеціальнаго предмета нашей рѣчи чрезъ это принципіально объясняется, что всѣ духовныя дарованія соподчиняются любви, какъ важнѣйшему обнаруженію вѣры, на которой и они сами созидаются. Теперь достаточно предначертывается и дальнѣйшее въ самомъ трудномъ вопросѣ объ упорядоченіи и регулированіи духовныхъ дѣйствій. Они вызываются по вѣрѣ и потому ею же нормируются въ своей плодотворности чрезъ любовь. По бытію и его качественной пригодности всѣ дары духовные зависятъ отъ вѣры и, естественно, бываютъ подвластны ей, подпадая ея контролю. При такомъ воззрѣніи ничуть неудивительно, а—скорѣе—совершенно натурально, что при обнаруженіяхъ духовныя силы оказываются у Апостола подлежащими свободному человѣческому распоряженію (1 Кор. XIV, 1 сл.) и въ своемъ примѣненіи могутъ быть направлены такъ, что все будетъ благообразно и по чину (1 Кор. XIV, 40), ибо духи пророческіе повинуются пророкамъ (1 Кор. XIV, 32). Но этимъ вовсе не уничтожается необычность дарованій, и они удерживаютъ всю свою экстраординарность, потому что бываютъ не у всѣхъ (1 Кор. XII, 29 сл.) и не всегда (ср. 1 Кор. XIV, 30).

Въ результатѣ всего выходитъ, что духовная чрезвычайность почитается у св. Павла доступною для истинно христіанскаго возрожденія, имѣя для себя всегдашнюю основу въ вѣрѣ, на которой она созидается. По этимъ соображеніямъ для него подобныя явленія допустимы съ самаго момента утвержденія вѣры, и Апостолъ убѣжденно могъ исповѣдывать всю несомнѣнность величайшихъ изліяній Духа въ первенствующей Церкви. Здѣсь эллинскій благовѣстникъ оказывается въ гармонической солидарности съ первохристіанскою традиціей, какъ и она приводила къ апостольскому ученію о внут-

реннемъ и неотлучномъ обитаніи Христовомъ во всѣхъ оправданныхъ. Это согласіе тѣмъ внушительнѣе и цѣннѣе, что не стираетъ индивидуальныхъ особенностей разныхъ изображеній, а примиряетъ ихъ въ единствѣ свидѣтельства о разныхъ сторонахъ и стадіямъ общаго объекта. Таковымъ у насъ служатъ чрезвычайныя дѣйствія Божіи среди вѣрующихъ и при устроеніи вѣры. Они необходимы въ самой своей чудесности, потому что въ обветшавшемъ мірѣ водворяется чудотворная сила благодати Божіей, которая сверхъестественна и по источнику въ Богѣ и по несоизмѣримости со средою своего проявленія. Неизбѣжно, что вторженіе этого фактора сопровождается яркимъ отраженіемъ его величія со всею ослѣпительностію. Однако энергія направляется на то, чтобы данная сила сдѣлалась неотлучною стихіей всего обновленнаго бытія. Необычность прямо ведетъ къ постоянству спокойнаго и непрерывнаго дѣйствованія. Этимъ дается переходъ къ Павловымъ формуламъ вмѣстѣ съ удостовѣреніемъ, что онъ адекватно соотвѣтствуетъ объективному движенію. Но послѣднее не перестаетъ быть самимъ собою отъ того, что течетъ теперь по опредѣленному руслу, и сверхъестественность по отношенію космосу продолжаетъ быть чудесною, хотя выражается уже во всемъ жизненномъ христіанскомъ укладѣ. И мы знаемъ, что у эллинскаго благовѣстника христіанинъ рисуется величайшимъ чудомъ въ самомъ своемъ нормальномъ христіанскомъ бытіи. Значитъ, у Апостола языковъ совсѣмъ не отрицаются чрезвычайныя духовныя вліянія, ибо мыслятся коренящимися въ самомъ христіанскомъ существѣ и потому всегда законными. Здѣсь первохристіанская традиція подготовляетъ почву для павлинистическаго созерцанія, которое—въ свою очередь—категорически удостовѣряетъ объективную ея истинность по чудесной природѣ одинаково предполагаемаго ими фактора. При такомъ предметномъ единствѣ логично, что обѣ стороны подтверждаютъ себя взаимно, и каждая говоритъ не о себѣ, но о другой. Первохристіанская община созидалась и питалась духовными дарами, чтобы устроиться въ мірѣ со свойственною ей организованностію для обезпеченнаго прогрессированія. Отсюда объясняется, что характернѣйшие документы этого періода въ (подлинныхъ) соборныхъ посланіяхъ почти совсѣмъ умалчиваютъ о чудесныхъ силахъ воздѣйствія Божія въ сферѣ облагодатствованія и сосредоточиваются на обезпеченіи прочнаго христіанскаго строя, между тѣмъ это было бы

до абсурдности странно, еслибы первенствующая Церковь принимала лишь моментально-экстатическія состоянія. Напротивъ, св. Павелъ всю энергію свою посвящалъ на то, чтобы упорядочить жизненно-христіанскія отношенія и ввести ихъ въ опредѣленныя границы, а именно у него и трактуется наиболѣе подробно и отчетливо о дарахъ дѣйствія Духа Божія. Генетическая критика наглядно изобличается этою загадкой и не разрѣшитъ ее до тѣхъ поръ, пока не согласится, что «предніе» и Апостолъ языковъ взаимно тожественны по общности равно понимаемаго ими предмета и совпадаютъ въ цѣлостномъ его очертаніи,—при всей разности точекъ зрѣнія и моментовъ наблюденія.

При такихъ условіяхъ у эллинскаго благовѣстника не было ни малѣйшихъ мотивовъ и матеріаловъ, чтобы нарушать исконное созерцаніе оригинальными трансформаціями или самому преображаться въ тяжеломъ кризисѣ попранія всѣхъ своихъ прежнихъ упованій. Посему у него не должно быть ни колебаній, ни измѣненій, — и по разсматриваемому вопросу это обосновывается принципіально. Душою всѣхъ христіанскихъ убѣжденій великаго эллинскаго миссіонера было ученіе о вѣрѣ, въ которой, какъ спеціально Христовой, онъ нашелъ свое спасеніе и ключъ ко всѣмъ вѣковымъ тайнамъ міровой исторіи. Это догматически непреложный фундаментъ всѣхъ апостольскихъ чаяній и мудрствованій. Все коренится въ этомъ пунктѣ и развивается изъ него. Неизбѣжно, что всякое инородное примѣшеніе должно было бы являться искусственнымъ наращеніемъ, не оправдываемымъ началами вѣры. Поэтому и уклоненіе касательно дѣйствій Духа служило бы для послѣдней немотивированнымъ придаткомъ, не вытекающимъ изъ нея непринужденно. Но достаточно развѣ упомянуть, что въ нашемъ случаѣ имѣется діаметрально обратное. Безъ всякихъ комментаріевъ неотразимо и неоспоримо, что всегдашняя проникновенность духовнаго возрожденія въ христіанахъ вызывается вѣрою и созидается на ней, когда она въ сыновствѣ Богу чрезъ Христа подастъ Духа (Гал. IV, 6), которымъ они и живутъ со свойственными плодами (Гал. V. 22 сл. 25). Обычная жизнь христіанская есть собственно жизнь вѣры. Это же не менѣе истинно и для чрезвычайныхъ даровъ духовныхъ, потому что «дѣйствія силъ» возникаютъ при вѣрѣ, ею опредѣляются по своему источнику, освѣщаются по достоинству и регулируются въ солидарномъ соподчиненіи. Сама вѣра по природѣ и влія-

нію есть исключительное христіанское чудо, и въ ней непрестанно таятся искры благодатной чудесности, вспыхивающія яркимъ пламенемъ отъ вѣянія Духа Божія на достойномъ алтарѣ, гдѣ чудесная теплота охраняется вѣрующею любовію христіанской. Мы видимъ, что у св. Павла дарованія духовныя тѣсно сочетываются съ вѣрою и раскрываются изъ нея. Ясно, что они, сливаясь по своей основѣ со всегдашнимъ возрождающимъ вліяніемъ, не устраняются таковымъ и могутъ быть во внутреннемъ содружествѣ. По этой причинѣ оба эти класса вовсе не отмѣчаютъ двухъ несовмѣстимыхъ теченій и для нихъ не требуется допускать ненатуральную раздробленность цѣлостной христіанской личности Апостола. И одинаковое соотношеніе къ вѣрѣ показываетъ, что благовѣстникъ былъ незыблемъ въ своемъ догматическомъ убѣжденіи и не расходился съ первохристіанскою традиціей въ исповѣданіи и разумѣніи единой возрождающей духовной силы, при чемъ всѣ разности примиряются въ ней, поскольку *раздѣленія дарованій суть, а тойжде Духъ; и раздѣленія служеній суть, а тойжде Господь; и раздѣленія дѣйствъ суть, а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ* (1 Кор. XII, 4—6).

Итакъ: по изслѣдованному догматическому вопросу у св. Павла не оказывается несоотвѣтствія съ первоапостольскими воззрѣніями, и согласіе съ ними свидѣтельствуетъ, что онъ созидался на почвѣ фактическимъ данныхъ. Тогда у него не было поводовъ жертвовать объективностію и устраняться отъ нея ради чуждыхъ теоретическихъ отвлеченностей. Тутъ невозможны радикальныя модификаціи, какъ ихъ и не отыскивается въ наличности. По всему этому мы должны принять и неизбѣжный итогъ, что эллинскій благовѣстникъ понималъ духовную дѣйственность одинаково, и ему не нужно было придумывать для нея разныя объясненія. Этимъ предрѣшается дальнѣйшее, ибо по своимъ интерпретаціямъ критика обязана допустить, что св. Павелъ считалъ потомъ духоносную энергію особою по сравненію съ первохристіанскимъ толкованіемъ и ея вліяніе необходимо мотивировалъ иными способами. Это направляетъ насъ къ обозрѣнію критическихъ гаданій о трансформаціяхъ въ апостольской христологіи.

Думаютъ, будто первоначально въ Церкви господствовала вѣра лишь въ чрезвычайныя божественныя воздѣйствія при помощи возбужденія моментально-экстатическихъ состояній. Для Апостола такое воззрѣніе оказалось непригоднымъ. Много

было способствующихъ причинъ, но важнѣйшая та, что для него естественный человѣкъ являлся натурально грѣховнымъ и неспособнымъ къ самобытному исправленію или усовершенствованію. Равно и облагодатствованіе почиталось не менѣе прочнымъ качествомъ самой возрожденной природы. Для этихъ двухъ крайностей съ характеромъ взаимнаго отрицанія не находилось посредствующей связи и удовлетворительнаго перехода. Если прежде мессіанское избавленіе понималось въ смыслѣ заслуженной реализаціи надеждъ и увѣнчанія душевныхъ стремленій, то здѣсь констатировалась строгая непрерывность въ смѣнѣ моментовъ безъ необходимости примиряющихъ вмѣшательствъ. При этомъ неудивительно, что раскрытіе всего внутренняго идеальнаго богатства вовнѣ должно было сопровождаться поразительными обнаруженіями спасающей божественной силы, которая при каждомъ своемъ примѣненіи разрѣшалось чудесностію. Не то у св. Павла, и ему было безусловно недостаточно подобныхъ факторовъ для обезпеченія христіанскаго обновленія. Будучи всегдашнимъ, послѣднее требовало неотлучнаго соучастія благодатной энергіи. Отсюда неизбѣжно вытекало, что наличность возрожденія постулируетъ къ внутреннему соприсутствію въ людяхъ своего производящаго виновника. Это вынуждало исповѣдывать, что Христосъ пребываетъ во всякомъ членѣ общества Господняго, упраздняя царившія грѣховныя стихіи и вытѣсняя ихъ своими живительными началами. Уже эта универсальность вторженія заставляла мыслить Избавителя неограниченнымъ рамками индивидуальности съ усвоеніемъ Ему повсюдной проницаемости. Что до характера этой необъятности, то по самому натуральному контрасту плотяности и по отрицанію ея очевидна совершенная духовность, какъ эссенціальное свойство. Въ результатѣ формулировались и тожество и отожествленіе прославленнаго Господа съ Духомъ при полномъ поглощеніи второго. Этимъ разрѣшена была труднѣйшая христологическая задача, но она возникла подъ внѣшними эллинистическими вліяніями, давшими новое освѣщеніе факту человѣческой безпомощности, и потому устранялась лишь строго соотвѣтственными средствами. Естественно, что и по этому пункту открывается эллинистическій источникъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой, гдѣ обѣ концепціи сливаются въ единствѣ своего объекта и по равнозначительности для него свободно замѣняютъ одна другую. Для св. Павла это была истинно спасительная комбинація, и онъ поспѣшилъ вос-

пользоваться ею съ провозглашеніемъ духовной животворности Спасителя, при чемъ усвоилъ и оттѣнки матеріализма въ пониманіи самой духовности.

Мы достаточно аргументировали, что для этихъ трансформацій не было ни малѣйшихъ поводовъ или основаній. Посему теперь остается выяснить, имѣется ли для нихъ хоть точка приложенія въ апостольскихъ созерцаніяхъ, чтобы возможно было примѣненіе посторонних элементовъ эллинистическаго происхожденія. Такую опору и находятъ во взглядѣ Павловомъ на благодатное возрожденіе, для котораго принимается, что послѣдній Адамъ сталъ духомъ животворящимъ (1 Кор. XV, 45). Если это свидѣтельство привлекается для раскрытія всегда продолжающагося облагодатствованія, то безспорно, что разумѣется Искупитель прославленный по завершеніи своего земного подвига. Этимъ категорически отвергаются всѣ перетолкованія даннаго упоминанія, и оно справедливо относится ко Христу воплощенному, хотя бы уже и превознесенному [867]). Но подобное убѣжденіе всего менѣе благопріятствуетъ генетическимъ сближеніямъ. Прежде всего важно, что духовная животворность рисуется гармоническимъ увѣнчаніемъ, согласнымъ со всѣмъ предшествующимъ развитіемъ. Это, пожалуй, высшая стадія, и все же она родственна прочимъ по своему существу. Вся разница лишь въ степени. Низшая констатируется для «человѣка перваго» въ томъ смыслѣ, что онъ былъ душею живой и располагалъ запасами для временнаго обезпеченія только своего личнаго бытія. Вопреки этому Господь оказался творцомъ самой жизни и, обладая ею автономно, раздаетъ ее всѣмъ приснымъ, будучи для нихъ животворящимъ духомъ. По всему этому ясно, что духовность рисуется исконнымъ свойствомъ самой природы Христовой и вовсе не пріурочивается къ тому или иному моменту. Тогда нельзя говорить, что идея пневматичности Господней изобрѣтена позднѣе для упраздненія трудностей теологическаго построенія, гдѣ потребовалось личное достоинство Избавителя распространить на всѣхъ вѣрующихъ. Въ такомъ случаѣ ради этого и утверждалось бы, что духовность была привходящимъ элементомъ и связывается исключительно съ состояніемъ прославленнымъ, не захватывая раннѣйшаго періода земного служенія. Можно было бы ожидать рѣзкаго оттѣненія этой оригинальности, что она несродна

[867]) См. выше на стрн. 240 сл. 249 сл., а равно ср. у *А. В.*, о Воскресеніи въ тѣлѣ въ „Душеполезномъ Чтеніи“ 1904 г., № 5, стр. 54.

раннѣйшему содержанію, которое будетъ противнымъ ей. Тутъ Избавитель этой эпохи долженъ былъ являться плотянымъ въ качествѣ «Христа по плоти» (2 Кор. V, 16), который яко бы предносился сознанію «преднихъ» Апостоловъ и нынѣ отвергается св. Павломъ. Но онъ и самъ доселѣ будто бы принималъ эти упованія, а потому отголоски ихъ слышатся и въ христологическихъ модификаціяхъ. Это показываетъ, что духовность привнесена послѣ, ибо не прямо выростаетъ изъ прежняго, но лишь заимствуетъ изъ него нѣкоторыя отраженія. Въ этихъ интересахъ особенно дорога критическая догадка, что пневматичность у благовѣстника была нечужда матеріальности. При этомъ получались фактическія указанія касательно воззрѣнія вытѣсненнаго и въ новомъ находились реальныя данныя для сближенія съ эллинистическими спекуляціями. Неудивительно, что въ критическихъ кружкахъ прочно водворилось и широко царитъ категорическое мнѣніе, будто и Новый Завѣтъ и эллинскій благовѣстникъ представляли духовность матеріалистически [868]). Однако подобное сужденіе ложно со всѣхъ сторонъ [869]). Для него нѣтъ фактическихъ оправданій, и въ самомъ началѣ берется здѣсь нѣчто совсѣмъ противное намѣреніямъ и стремленіямъ апостольскимъ. Сами же критики подчеркиваютъ, что св. Павелъ низко смотрѣлъ на все матеріальное и подмѣчалъ въ немъ связь съ грѣховностію. Если откинуть преувеличенія, то и мы соглашаемся, что матеріалистическое возобладаніе было для св. Павла ненатуральнымъ и влекло ко всякой погрѣшительности. Посему искупленіе рисовалось избавленіемъ духовнымъ и чрезъ духовность. Послѣдняя необходимо являлась лишенною всего, что было собственно и исключительно матеріалистическаго, а это значило, что она не матеріальна. Обратное пониманіе было бы несовмѣстимо съ принципіальными апостольскими предпосылками и потому совсѣмъ невѣроятно [870]). Но безспорно, что эллинизмъ всего менѣе успѣшенъ былъ въ уразумѣніи и обосновапіи истинной духовности, которая всегда носила у него глубоко матеріалистическіе оттѣнки даже при всѣхъ утонченностяхъ

---

[868]) См. выше на стрн. 295,790, а равно въ кн. 1-й на стрн. 719 сл.,215.

[869]) См. и Dr. *Rudolf Busse*, Zur Pneumatologie des Apostels Paulus (Berlin 1900), S. 7.

[870]) См. и *Arthur Titius*, Die neutestamentliche Lehre von der Seligkeit II, S. 229,1.

отвлеченія. Тогда выйдетъ, что Павлово ученіе о духѣ безусловно не греческое по своему происхожденію и смыслу [871]). Это незыблемо и въ примѣненіи къ обсуждаемому вопросу. Божественная разумность, конечно, вездѣ представлялась по своему превосходному подъ космическою ограниченностію. Но разъ духовность считалась чуждою матеріальности, тогда естественно, что онѣ не могли сливаться между собою и не сочетались въ единствѣ внутренней солидарности. Такая разобщенность усматривается всюду, и у Филона Логосъ чуть не все поглощаетъ собою, не давая почти ни малѣйшей роли для дѣятельности духа [872]). Псевдо-соломоновское отожествленіе этихъ концепцій будетъ не эллинистическимъ и коренится въ древнеизраильскихъ воззрѣніяхъ [873]). Соотвѣтственно этому и апостольская пневматологія отрѣшается отъ всякихъ эллинистическихъ приражений, пріобрѣтая характеръ библейской независимости [874]), при чемъ ея спеціальная отчетливость должна говорить, что св. Павелъ имѣлъ реальныя опоры въ созерцаніи лица Христа Іисуса и въ опытѣ Его духовнаго воздѣйствія.

Такимъ образомъ вовсе не подтверждается, чтобы идея духовности Господней была позднѣйшею и привлекалась ради удовлетворенія нуждъ эллинистической враждебности ко всему плотяному, гдѣ иначе было бы непостижимо внутреннее возобладаніе христіанскаго возрожденія. Для этого ничуть не тре-

---

871) См. Prof. *Ferd. Kattenbusch*, Das apostolische Symbol II (Lpzg 1900), S. 672 и къ сему ср. у *Heinrich Weinel*, Die Auslegung des Apostolischen Bekenntnisses von F. Kattenbusch und die neutestamentliche Forschung въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums“ II (1901), 1, S. 34.

872) У Филона и въ тварныхъ существахъ πνεῦμα съ собственно психологической точки зрѣнія почти обобщается съ νοῦς (Quod deter. potiori insidiari soleat § 22 [M. I, 207. C.-W. I, 276—277. Yonge I, p. 262]; ср. *C. Siegfried*, Philo von Alexandria als Ausleger des A. T., S. 240, † *Edwin Hatch*, Essays in Biblical Greek [Oxford 1889], p. 126), а объективно то сливается съ воздухомъ, то означаетъ премудрость (см. *Edward Hicks*, Traces of Greek Philosophy and Roman Law in the New Testament, London 1896, p. 47).

873) Понятно само собою, что—въ свою очередь—и ученіе Ветхаго Завѣта о Духѣ не находитъ для себя параллелей въ эллинизмѣ и у Филона: ср. *L. Hackspil* въ „Revue biblique internationale“ XI, 1 (1-er Janvier 1902), p. 69.

874) Ср. *Arthur Titius*, Die neutestamentliche Lehre von der Seligkeit II, S. 245: „in der Vergeisterung des Pneuma Paulus wesentlich selbstständig vorgeht“.

бовалось переносить на Избавителя историческаго новое опредѣленіе, коль скоро оно необходимо было лишь для объясненія вліяній Господа превознесеннаго. Неудивительно, что у Апостола не открывается доктринальной трансформаціи, ибо не слышится отголосковъ матеріалистическихъ идей по нашему предмету. А если не находится существеннаго измѣненія и нѣтъ для него частныхъ поводовъ въ постулятахъ эллинистическаго построенія, то и самый комментируемый фактъ утрачиваетъ тенденціозную остроту генетическихъ приспособленій. Такъ предъ нами правильно освѣщается кардинальный критическій пунктъ о тожествѣ Христа прославленнаго и Духа Св. съ поглощеніемъ самобытной особности или индивидуальности второго. Это убѣжденіе мотивируется тѣмъ, что для обезпеченія универсальности облагодатствованія Апостолу было обязательно приписать Искупителю духовность, поелику только ею Онъ и могъ проникать въ сферу грѣховной плотяности [875]). Въ этомъ тонѣ и формулируется приведенный тезисъ, который встрѣчаетъ поддержку въ распространенномъ толкованіи, будто благовѣстникъ мало цѣнилъ историческій подвигъ Христа и все сосредоточивалъ на Его духоносномъ прославленномъ обновленіи, когда для другой духовности не оставалось достаточнаго мѣста. Въ этихъ интересахъ опять допускается, что св. Павелъ тѣсно примыкаетъ къ книгѣ Премудрости Соломоновой, наклоняясь къ «философско-мистическому» пониманію [876]). При такихъ условіяхъ не увѣнчиваются успѣхомъ даже и попытки персональнаго истолкованія. Въ нихъ аподиктически выражается, что духъ святыни, по которому рожденный отъ сѣмени Давидова открылся Сыномъ Божіимъ чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ (Рим. I, 4), есть именно Духъ Святый. При этомъ неизбѣжно, что Христосъ дѣйствуетъ въ качествѣ и въ достоинствѣ Духа, всѣ функціи Коего связываются теперь съ личностію Господа [877]) и имѣютъ въ Немъ свой источникъ, гдѣ излишни всякія дополненія. Въ этомъ званіи Искупитель избавляетъ отъ законническаго ига и доставляетъ вѣрующимъ всѣ привилегіи свободы [878]), будучи «святою силою Божіей» [879]).

---

[875]) Ср. кн. I, стрн. 724—725,215.

[876]) Prof. *Joh. Weiss*, Die Nachfolge Christi und die Predigt der Gegenwart (Göttingen 1895), S. 94.

[877]) *Rud. Busse*, Zur Pneumatologie des Apostels Paulus, S. 5.

[878]) *R. Busse* ibid., S. 6.

[879]) *R. Busse* ibid., S. 7.

При такой неразрывности отъ Христовой персональности и духовная активность пріобрѣтаетъ индивидуальный колоритъ, но послѣдній заимствуется отъ личнаго участія Бога [880]) и покоится на томъ, что «всякая дѣятельность превознесеннаго Господа посредствуется чрезъ Его Духа» [881]). Поэтому всѣ персональные намеки сглаживаются по своей энергіи [882]) и ослабляются при помощи догадки, яко бы и «церковное различеніе трехъ лицъ въ божествѣ разумѣлось не въ смыслѣ нынѣшняго различенія трехъ личностей», чѣмъ устраняется обособленная индивидуальность Духа [883]).

Во всѣхъ этихъ интерпретаціяхъ часто выдвигаются неложныя фактическія данныя и только ошибочно опредѣляется ихъ подлинная природа. Давно подмѣчено и удачно оттѣняется, что Апостолъ все заимствуетъ изъ благодатнаго опыта, для котораго возрожденіе всегда бываетъ духовнымъ. Понятно, если теперь говорится, что Христосъ дѣйствуетъ духовно или какъ духъ; однако этимъ лишь констатируется подлинное явленіе и вовсе не утверждается извѣстной теоріи. Навязываніе послѣдней будетъ не соотвѣтствовать объективному описанію точнаго наблюденія, гдѣ просто свидѣтельствуется объ эмпирической истинѣ помимо и внѣ отношенія къ доктринальнымъ тенденціямъ [884]). У насъ будетъ пока не болѣе того, что превознесенный Господь обновляетъ насъ духовно, а это еще вовсе не затрогиваетъ ипостасности Духа. Объ этомъ должна быть нарочитая рѣчь, и тутъ удобно напомнить, что ею заранѣе отвергаются позаимствованія изъ псевдо-соломоновскаго творенія,

---

[880]) *R. Busse*, Zur Pheumatologie des Apostels Paulus, S. 8: „Der lebhafte Ton, in dem Paulus von dem πνεῦμα ἅγιον spricht, die Häufung der Ausdrücke, die eine Persönlichkeit voraussetzen, lassen sicherlich Schluss zu, dass sich Paulus die Einwirkung des πνεῦμα als die einer Person vorgestellt hat". Наряду съ этимъ „das ἀποκαλύπτειν in 1. Kor. 2, 10, das βούλεσθαι in 1. Kor. 12, 11 ist als ein von der Person *Gottes ausgehendes zu* denken. In diesem Sinne muss das Wesen und Wirken des paulinischen πνεῦμα ἅγιον als das einer Person aufgefasst werden".

[881]) *R. Busse* ibid., S. 15.

[882]) *R. Busse* ibid., S. 8 и 18:9.

[883]) *Joh. Gloël*, Der Heilige Geist in der Heilsverkündigung des Paulus, S. 377 u. Anm. 1.

[884]) См. Prof. *Hermann Gunkel*, Die Wirkungen des heiligen Geistes nach der populären Anschauung der apostolischen Zeit und nach der Lehre des Apostels Paulus (Göttingen 1888), S. 86—87. Ср. и *David Somerville*, St. Paul's Conception of Christ (Edinburgh [1]1897), p. 118—119.

такъ какъ въ немъ трактуется не о двухъ личностяхъ въ премудрости и духовности, которыя скорѣе суть свойства Божіи и потому сами объединяются въ своемъ персональномъ носителѣ. Это не содержитъ и не подготовляетъ взаимности ипостасной. Для нея же не допускается двойства въ виду *и по* причинѣ нерасторжимости индивидуально-духовныхъ обнаруженій отъ личности Христовой. Но здѣсь собственно закрѣпляются за Христомъ свойства духовности, и для рѣшенія вопроса о ея самобытности необходимы такіе случаи, гдѣ бы сопоставлялись персональности Господа и Духа. Таково и есть отчетливое указаніе апостольское (въ Гал. IV, 6), что «Богъ послалъ Духа Сына Своего» (ὅτι δέ ἐστε υἱοί, ἐξαπέστειλεν ὁ θεὸς τὸ πνεῦμα τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ). Филологически аргументируется съ достаточною прочностію, что употребленный глаголъ предполагаетъ обособленное бытіе для посылаемаго по сравненію съ посылающимъ (ср. Дѣян. VII, 12. XI, 22. XVII, 14) и утверждаетъ за Духомъ наряду съ Отцемъ туже индивидуальность, какая усвояется и Сыну (Гал. IV, 4: ἐξαπέστειλεν ὁ θεὸς τὸν υἱὸν αὐτοῦ) [885]). Чрезъ это Духъ является реально предсуществующею персональностію, которая и отправляется Богомъ. Тѣмъ удивительнѣе, что Духъ называется Сыновнимъ. Католики обосновываютъ на обсуждаемомъ текстѣ свою догму о Filioque [886]), и это служитъ на пользу критическихъ намѣреній, поелику «исхожденіе» легко примиряется съ догадкой, что духовность всецѣло почерпается въ Сынѣ и безъ Него немыслима. Подлинное движеніе апостольской логики не оправдываетъ подобныхъ толкованій. Въ немъ въ самомъ началѣ удостовѣрена ипостасность Духа, и утверждать ее снова не было ни малѣйшей надобности. Тогда и мы не должны искать здѣсь предикатовъ личности. А Filioque, принадлежа къ ипостатическимъ свойствамъ, совершенно не связывается съ даннымъ мѣстомъ, въ которомъ мы обязаны видѣть послѣдующій моментъ. Для личности это будетъ качественная сторона субъекта, потому что для несомнѣнной индивидуальности важно выяснить единственно ея достоинство. Въ свою очередь послѣднее обычно утверждается на природныхъ преимуществахъ,

---

[885]) Ср. кн. I, стрн. 247,66.

[886]) См., напр., *Rud. Cornely*, Epistola ad Galatas въ Cursus Scripturae sacrae: commentariorum in Nov. Test. pars II—in libros didacticos, vol. III (Parisiis 1892), p. 529.

степень коихъ и соизмѣряется взятою безспорною величиною. По силѣ этого апостольское сближеніе Духа съ Сыномъ до нерасторжимости выдвигаетъ ихъ взаимность по натуральному равенству и формулируетъ предъ нами исключительно истину единосущія. Этимъ для личности дается окончательное опредѣленіе, что, при своей индивидуальной замкнутости, она натурально тожественна божественному Сыну. Эта строгая постепенность раскрытія идеи есть наилучшая порука ея собственной состоятельности и находитъ себѣ подкрѣпленіе во всѣхъ другихъ экзегетическихъ соображеніяхъ. И несомнѣнно, что родительные падежи τοῦ υἱοῦ αὐτου (6-го ст.) и αὐτοῦ=τοῦ θεοῦ (4-го ст.) не разнятся между собою по энергіи, откуда вытекаетъ, что отношеніе Духа къ Сыну до точности совпадаетъ *съ отношеніемъ Сына къ Отцу*. Но тамъ сверхъ персональности (ἐξαπέστειλεν) Сына прямо отмѣчается самымъ наименованіемъ Его еще характеръ связи съ Отцомъ, почему и здѣсь возможна далѣе лишь характеристика этого сыновства въ томъ смыслѣ, что оно божественно по воспринятому естеству. Эта именно божественность требовалась и всѣми предшествующими соображеніями. Въ нихъ изображается безнадежность человѣчества въ его подчиненіи стихіямъ міра (Гал. IV, 13), когда оно абсолютно неспособно выдти изъ своего рабства. Тутъ самая инициіатива освободительныхъ намѣреній будетъ вышечеловѣческою или божественною и тѣмъ болѣе самое исполненіе должно созидаться средствами чисто божественными. Поэтому весь процессъ вызывается самимъ Богомъ, а для фактической реализаціи предначертывается, что она достигается лицомъ не тварнымъ и—значитъ—эссенціально божественнымъ. Такъ для Сына требуется натуральная божественность, которая и усвояется Ему по натуральному сродству съ Отцемъ. Въ этомъ тонѣ сходное читается и о Духѣ, что Онъ сосуществен Сыну Божію и чрезъ Него самому Богу, т. е. безусловно божественъ.

Очевидно, что конечная цѣль апостольскихъ разъясненій сводится къ засвидѣтельствованію природной божественности Духа. Въ такомъ случаѣ возникаетъ недоумѣніе, почему это достигается окольнымъ путемъ математической аргументаціи, что двѣ величины, равныя порознь третьей (Отецъ и Духъ = Сыну), равны и взаимно (Духъ = Отцу), между тѣмъ проще было бы сказать объ этомъ прямо. Поелику же мысль остается одинаковою, то, на основаніи данной оригинальности, необхо-

димо заключать, что она допущена не напрасно и отмѣчаетъ свой спеціальный оттѣнокъ. Объ немъ позволительно догадываться по ходу апостольскаго назиданія. Тутъ констатировано, что самая идея искупленія принадлежитъ единственно Богу и потому она нуждалась въ божественномъ орудіи, адекватно соотвѣтствовавшемъ ея величію. По этой причинѣ посланнымъ бываетъ натуральный Сынъ Божій, Который и устрояетъ все съ истинно божественнымъ превосходствомъ. Задача достигаетъ своего абсолютнаго увѣнчанія, и чрезъ усыновленіе всѣ вѣрующіе дѣлаются сынами Божіими по благодати (Гал. IV, 5. 6 init.). Ближайшая миссія завершается вмѣстѣ съ этимъ результатомъ, потому что дарованнымъ сыновствомъ безспорно закрѣпляется желательная правомощность для наслѣдничества. Но само собою понятно, что затѣмъ нужно еще всегдашнее обезпеченіе этого успѣха въ доставленіи залоговъ самаго наслѣдства. Это уже такая функція, для которой обязателенъ и особый агентъ. Ему предлежитъ собственно продолженіе дѣла въ фактическомъ укрѣпленіи добытаго и при неразрывности гармоническаго согласія съ нимъ. Для сего неизбѣжно, чтобы второй былъ неизмѣнно вѣренъ первому и заступалъ его въ качествѣ двойника. Будущность гарантируется незыблемо лишь при этомъ условіи, а оно осуществляется съ абсолютностію единственно лишь при натуральномъ тожествѣ обоихъ двигателей. У насъ рѣчь о подвигѣ Сыновнемъ, и отсюда естественно, что—въ качествѣ воспріемника послѣдняго — Духъ опредѣляется со стороны своихъ отношеній къ Сыну [887]), ибо беретъ на Себя Сыновнія функціи [888]) и неизмѣнно осуществляетъ ихъ въ созиданіи христіанскаго возрожденія среди людей [889]). Этимъ въ анализируемомъ выраженіи удовлетворительно рас-

---

[887]) Ко всему этому отдѣлу по поводу Гал. IV, 4. 5. 6 см. въ *нашей* книгѣ: Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ, стрн. 100—104, и въ журналѣ „Странникъ" 1902 г., № 7, стрн. 16—20.

[888]) Касательно миссіи Духа Св. ср. и у о. проф. *П. Я. Свѣтлова*, Курсъ апологетическаго богословія (Кіевъ 1901), стрн. 370 сл.

[889]) Не отрицая нѣкоторыхъ эллинистическихъ оттѣнковъ или полуфилософскихъ приращеній въ доктринѣ о Духѣ, Rev. Prof. *James Denney* справедливо говоритъ, что „in St. Paul Spirit is in the last resort co-extensive with Christianity" (The Theology of the Epistle to the Romans 7: The New Life and the Spirit въ „The Expositor" 1901, XII, p. 422), почему есть „a subject of experience" (p. 424) и—значитъ—„the Spirit is co-extensive with Christian experience" (p. 427).

крывается его необычность, которая освѣщаетъ для насъ и разбираемый предметъ въ интересующемъ пунктѣ. Отсюда мы усматриваемъ, что св. Павелъ стремится къ рѣшительному утвержденію близости Духа къ Сыну, но самая нужда и энергичность этихъ усилій мотивируются лишь безспорною индивидуальною ихъ особностію, разъ оказалось необходимымъ нарочитое огражденіе натуральной солидарности.

Въ результатѣ будетъ, что даже тамъ, гдѣ сліяніе формулируется, повидимому, всего отчетливѣе,—напротивъ—рельефно подчеркивается персональность Духа наряду съ Сыновнею [890]). При всемъ томъ не менѣе рѣшительно констатируется и натуральное равенство по единству природы и по согласію дѣятельности. Этимъ опять разъясняются апостольскія свидѣтельства. Мы нашли, что Духъ продолжаетъ спасительное служеніе Христа и, будучи активно-личнымъ, строго держится этого своего назначенія въ сферѣ благодатнаго возрожденія человѣчества. Здѣсь Духъ всюду выступаетъ съ миссіей Христовой и воспринимается, именно какъ Христосъ [891]). Въ свою очередь и Господь функціонируетъ при непремѣнномъ соучастіи Духа [892]) и въ своихъ благодатныхъ вліяніяхъ бываетъ всецѣло духовнымъ.

---

[890]) Ср. кн. I, стрн. 557,248. 728,215.

[891]) Но отсюда вовсе не слѣдуетъ несправедливое заключеніе *Alfred Hegler*'а (по поводу книги C. F. Nösgen'а) въ „Theologische Rundschau" IV, 11 (Nowember 1901), S. 446: „es der Theologie nicht gelungen ist, auf dem Grund der orthodoxen Trinitätslehre das spezifische Wirken des Geistes als persönlichen göttlichen Heilsfactors verständlich zu machen". Равно и *Alexander Röhricht* какъ будто допускаетъ, что Духъ бываетъ личностію собственно въ качествѣ замѣстителя Христа и по связи съ Нимъ (Das menschliche Personenleben und der christliche Glaube nach Paulus, Gütersloh 1902, S. 87), а не по своему бытію въ самой троичности (S. 98). Однако личность Духа не только не устраняется, а—скорѣе—утверждается (ср. Prof. *R. C. Moberly*, Atonement and Personality, London 1901, p. 176. 180 sq.) чрезъ признаніе, что именно Имъ посредствуются присутствіе и дѣятельность Сына (p. 169. 181; ср. Rev. *Hugh R. Mackintosh* въ „The Critical Review" XI, 6 [November, 1901], p. 532. 534. 536—537), почему Духъ и бываетъ Христовымъ (*R. C. Moberly* ibid., p. 194—197. 203 sq.). См. и выше на стрн. 644,810.

[892]) Отсюда получается такой выводъ у Prof. D. *Johannes Haussleiter*, Was versteht Paulus unter christlichem Glauben? Eine Untersuchung der Formel πίστις Χριστοῦ въ Greifswalder Studien: Theologische Abhandlungen Hermann Cremer dargebracht, Gütersloh 1895, S. 171: „Der unsichtbare, zu Gott erhöhete Christus ist gegenwärtig im Geist. Im Geist teilt er sich mit; wer den heiligen Geist hat, hat ihn".

Они совпадаютъ между собою собою по реальному итогу и въ немъ являются солидарными. Поэтому, при согласіи обоихъ факторовъ по благотворному вѣянію, въ благодатномъ опытѣ не ощущалось между ними разности, и неудивительно, если ея не отмѣчается въ наблюденіи о фактахъ возрождающаго воздѣйствія. Наоборотъ, вполнѣ нормально, что для нихъ констатируется сплошная духовность, въ какой только и открывается божественный Избавитель въ христіанскихъ сердцахъ. Въ этой концепціи обрисовывается предъ нами по своему непосредственному смыслу и апостольская формула (2 Кор. III, 17), что «Господь есть Духъ» (ὁ δὲ κύριος τὸ πνεῦμά ἐστιν). Въ ней тожество относится прежде всего къ благодатной дѣйственности при возсозданіи и обоснованіи христіанской свободы [893]). Для этой области Господь вступаетъ со всѣми отличіями Духа, какъ Духъ свобождаетъ въ достоинствѣ Господняго и мы преображаемся въ славу Господню собственно потому, что это естественно при Духѣ, поскольку Онъ Господень и способствуетъ цѣлямъ Господнимъ (2 Кор. III, 18). Несомнѣнное натуральное равенство тутъ вовсе не переходитъ въ персональное поглощеніе, котораго разсужденіе совсѣмъ не затрогиваетъ. И параллелизмъ съ номистическою смертоносностію убѣждаетъ, что трактуется исключительно о возрождающей активности Христовой, а она, будучи духовною, не устраняетъ индивидуальности Духа — въ согласіи съ тѣмъ,

---

[893]) Если *Ad. Harnack* на основаніи 2 Кор. III, 17, повидимому, сближаетъ божественность Христа только съ духовностію (Das Wesen des Christentums, Lpzg 1900, S. 101), то Rev. Prof. *Samuel McComb* возражаетъ: „But the many passages in which Christ and the Spirit are distinguished—and there is a notable one at the end of this very Epistle—suffice to bar out [для исключенія] the identification here assumed. The Apostle does not say, «The Lord is a Spirit» [Духъ въ смыслѣ „духовенъ", „духовное существо"], but «the Lord is *the* Spirit» [именно Духъ]. That is to say, for the purpose which St. Paul has in hand, that namely of showing how, when the heart turns to Christ, the Spirit enters into it and dwells there, the influence of Christ and the influence of the Spirit may be spoken of as synonymous". Это есть единство дѣйствія, и отсюда можно заключать только къ равенству дѣйствующихъ силъ. Посему „we are not here dealing with any depositions as to the *person* of our Lord. It is the nature of His *influence* in the hearts of believing men that is under discussion. That influence is spiritual, persuasive, and makes its appeal to the springs of our inner life, in contrast with the influence of the older, which was legal, coercive and externally binding" (Professor Harnack on oour Lord's Resurrection въ „The Expositor" 1901, XI, p. 358).

что законъ не исчерпывается въ своемъ бытіи буквой, хотя реально работалъ съ убійственною букварностію. Подобно сему и Христосъ дѣйствуетъ духовно, не устраняя Духа и не покрываясь Имъ персонально, ибо такое свойство покоится просто на одинаковой духовности самаго естества. Данное качество не было позднѣйшимъ придаткомъ къ первоначальной идеѣ Христа ради теоретическихъ запросовъ. Конечно, незыблемо, что послѣдній Адамъ сталъ духомъ животворящимъ (1 Кор. XV, 45), и это было его пріобрѣтеніе. При всемъ томъ успѣхъ предрѣшается натуральными отличіями, что онъ былъ человѣкомъ съ неба (1 Кор. XV, 47), гдѣ его личность имѣетъ свои онтологическія основы, чуждыя космической матеріальности или эссенціально духовныя. Слѣдовательно, Господь былъ духовнымъ исконно, и потому нельзя говорить, будто это качество было усвоено лишь Превознесенному чрезъ примѣненіе къ нему концепціи о Духѣ Св., когда духовное предсуществованіе, сближаясь съ іудейской спекуляціей о царившемъ надъ водами духѣ Мессіи [894]), почти прямо разрѣшается въ чистую отвлеченность [895]). Въ такомъ случаѣ для понятія духовнаго Христа не будетъ надобности въ необычныхъ мотивахъ, поелику оно изначально и остается прежнимъ. Вмѣстѣ съ этимъ очевидно, что возобладаніе этой идеи не могло сопровождаться существеннымъ переворотомъ въ религіозно-моральномъ міросозерцаніи Апостола.

Отсюда достаточно оправдывается подлинная цѣнность дальнѣйшихъ критическихъ гаданій о результатахъ предполагаемой христологической трансформаціи. Объ ней думаютъ, что послѣдняя явилась для удовлетворенія неожиданныхъ потребностей, вызванныхъ вторженіемъ эллинизма. Этимъ допускается, что для новой задачи совсѣмъ не годились прежнія пособія, у которыхъ были свои цѣли и иные пути. Естественно, что старое направленіе будетъ радикально отличаться отъ позднѣйшаго по самому важному вопросу насчетъ того, какъ отъ Христа благодатное возрожденіе переходитъ на людей и порождаетъ въ нихъ истинную жизнь. Чрезъ это въ апостольской доктринѣ христіанскаго облагодатствованія констатиру-

---

[894]) См. кн. I, стри. 246,64. 863,538 и *A. Edersheim*, The Life and Times of Jesus the Messias I², p. 178 and not. 2 и у о. М. П. Ѳивейскаго I, стри. 226 и прим. 2.

[395]) См. выше стри. 297—298.

ются два теченія, для коихъ называютъ и два характерные лозунга. Таковы вѣра и Духъ. При подобномъ противопоставленіи неизбѣжно, что на первой ничуть не созидается все христіанское бытіе [896]). Она выдвигалась по адерсативности іудейскому методу оправданія и упраздняла всѣ эти пріемы въ достоинствѣ фактора, доставляющаго искомое въ абсолютной степени. Посему вѣра не начальный или вводный актъ, но вся полнота праведности съ соотвѣтственными отраженіями. Въ этомъ смыслѣ она необходимо бываетъ основою христіанской нравственной дѣятельности, и обязательно «споспѣшествуется любовію» (Гал. V, 6), которая служитъ для нея какъ бы фактическимъ мѣриломъ, чѣмъ для человѣка создается необходимость отчета въ своемъ поведеніи съ неизбѣжностію суда [897]). Однако было бы ошибочно считать вѣру исключительнымъ центромъ всей религіозно-моральной системы Павловой, и на этой почвѣ у нея оказывается сильнѣйшій конкуррентъ. Это есть Духъ, который рисуется создателемъ самой жизни, гдѣ онъ условливаетъ созерцаніе и экстатическія восхищенія. Но мистицизму всегда присуща холодность безучастія ко всему реально историческому. Потому же и у благовѣстника историческая личность настолько заслоняется пневматическимъ Христомъ, что, помимо опасности пантеизма, здѣсь содержались пункты соприкосновенія съ неоплатоническою религіозностію. Соотвѣтственно этому формулируется уничижительный взглядъ на все мірское и на самое пребываніе въ мірѣ, который перестаетъ быть поприщемъ развивающаго царства Божія. Естественно, что и все отношеніе христіанъ будетъ исчерпываться энтузіазмомъ страстей въ непрерывномъ умираніи для космоса [898]). Съ этой стороны нравственный подвигъ работы самоусовершенствованія лишается всякой религіозной важности, разъ теряетъ ее все мірское въ насъ самихъ и во всемъ окружающемъ [899]). Здѣсь пневматологія

---

[896]) *M. Steffen,* Das Verhältnis von Geist und Glauben bei Paulus: ein Versuch zur Charakteristik seiner Frömmigkeit въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft und die Kunde des Urchristentums" II (1901), 2, S. 115.

[897]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 2, S. 118—123. См. и на стрн. 603.

[898]) *M. Steffen* въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" II (1901), 2, S. 123—132.

[899]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 2, S. 132—133. Ср. и выше на стрн. 414,1248.

будетъ въ рѣшительномъ контрастѣ съ пистеологіей. Было ли между ними нѣкоторое единеніе и что̀ спеціальнаго отмѣчаютъ они въ общемъ предметѣ нравственно-христіанскаго устроенія? Внимательное разсмотрѣніе (особенно Гал. II, 20) убѣждаетъ, что вѣра обезпечиваетъ возможность благодатной жизни въ космическихъ условіяхъ, при которыхъ она иначе была бы немыслима, поскольку не вмѣщается въ нихъ и покоится въ Господѣ, откуда почерпывается лишь при вѣрующемъ сліяніи съ Избавителемъ. При воззрѣніи Духа не допускаются и не принимаются въ соображеніе самыя космическія препятствія, и возрожденный воображаетъ себя поглощеннымъ во Христѣ съ отрицаніемъ всякаго сознанія пространства, времени и собственной индивидуальности [900]). Это та же жизнь въ Богѣ, но уже не въ мірѣ, а внѣ міра. Въ этомъ тонѣ освѣщается и смерть Христова въ качествѣ мистическаго изъятія изъ космической бренности съ перенесеніемъ въ сферу вѣчности [901]), когда сглаживалось всякое различіе моментовъ религіознаго и нравственнаго и второй приписывался Духу. Въ итогѣ всѣмъ этимъ упразднялась самая личность [902]). Предъ такимъ крушеніемъ всѣхъ предпосылокъ своего ученія Апостолъ сглаживаетъ крайности и, приравнивая Духа къ богопознанію, отыскиваетъ моральный базисъ въ вѣрѣ, которая запечатлѣвается субъективностію и активностію, т. е. утверждаетъ индивидуальную самобытность и гарантируетъ свободу собственнаго напряженія [903]). Тутъ голгоѳская жертва становится умиротвореніемъ и примиреніемъ Бога и открываетъ просторъ оправданному для нормальнаго пребыванія въ мірѣ [904]). Этимъ обезпечивается внутренняя цѣнность нравственнаго подвига безъ соотношенія съ религіозными интересами, и человѣкъ пріобрѣтаетъ рессурсы для собственнаго нормальнаго возрастанія, въ которомъ еще на землѣ предуготовляется и предвосхищается царство Божіе [905]). Въ этомъ оба теченія совпадаютъ, и въ концѣ концовъ мы находимъ въ нихъ два количественно различныя рода благочестія, изъ коихъ въ одномъ міръ и его блага просто отвергаются, въ другомъ они препобѣждаются и служатъ почвой для хри-

[900]) *M. Steffen* «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft» II (1901), 2, S. 133—139. Ср. выше стр. 605,594.

[901]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 234 ff.

[902]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 238—239.

[903]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 241—243.

[904]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 244 ff.

[905]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 251 ff.

стіанскаго возсозиданія [906]). Тамъ энтузіастическій подъемъ надъ всѣми пространственно-хронологическими ограниченіями, здѣсь спокойное соподчиненіе и претвореніе [907]) при одинаковой незыблемости упованія на всецѣлую космическую независимость. Въ примѣненіи къ моральнымъ задачамъ эти направленія расходятся діаметрально и отражаютъ какъ бы двѣ души, совмѣстившіяся въ груди Апостола, въ которомъ уживались подобныя антиноміи, бывшія слагаемыми его индивидуальности и опорою силы [908]).

Эта попытка не имѣетъ непосредственнаго соприкосновенія съ генетическими реконструкціями, и для нихъ тѣмъ дороже ея несомнѣнная солидарность, потому что неожиданное и непреднамѣренное согласіе всегда служитъ объективнымъ подтвержденіемъ точности и безпристрастія критическихъ наблюденій и построеній. И безспорно, что соотвѣтственность между ними поразительная. При генетическихъ сближеніяхъ констатируется, что матеріально-космическое мѣшаетъ прямому общенію со Христомъ, почему все происходитъ въ духѣ и чрезъ Духа. Въ такомъ случаѣ при этомъ факторѣ вся совокупность матеріально-космическаго отвергается и попирается по его ненужности и враждебности, а новое бытіе переносится изъ космической области и покидаетъ ее безусловно. Но жизнь въ Духѣ именно и состоитъ въ отрѣшеніи отъ всякой матеріальности съ абсолютнымъ ея устраненіемъ. По этому совпаденію вполнѣ логично будетъ заключеніе, что христологическая пневматологія развилась и укоренилась въ апостольской догматикѣ начертаннымъ критикою путемъ, который оказывается единственно законнымъ для проникновенія въ тайны «Евангелія» Павлова. Разумѣется, это будетъ истинно не прежде того, какъ экзегетически подкрѣпится, что пневматическое созерцаніе покоилось на (дуалистическомъ) пренебреженіи ко всему матеріальному и не годилось для моральнаго регулированія—вопреки принципу вѣры, которымъ нормировалось космическое странствованіе людей. Слѣдовательно, все разъяснится, когда мы отвѣтимъ категорически, встрѣчается ли въ апостольской доктринѣ названный контрастъ съ такими рѣзкими очертаніями оппозиціонныхъ сторонъ?

---

[906]) *M. Steffen* въ «Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft II (1901), 3, S. 255».

[907]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 261.

[908]) *M. Steffen* ibid. II (1901), 3, S. 257.

Первый тезисъ—о вліяніи Духа—формулируется со всею строгостію, и его ослабленія только роняютъ самую гипотезу, разъ оба термина будутъ съ тожественнымъ содержаніемъ. Однако и теперь моральный индифферентизмъ пневматическаго воззрѣнія сохраняется во всей своей остротѣ. Если Духомъ человѣкъ изымается изъ космически-матеріальной среды, то таковой для одухотвореннаго совсѣмъ не существуетъ. Плотяно-мірскія и матеріальныя отношенія нимало не затрогиваютъ пневматика. Они остаются внѣ божественной святости и потому являются грѣховными, но это лишь констатируетъ ихъ объективныя качества и не даетъ имъ моральной оцѣнки въ смыслѣ пороковъ, со своею скверной врывающихся въ атмосферу чистѣйшихъ вѣяній Божіихъ. Здѣсь нѣтъ столкновенія описываемыхъ областей, а тогда у нихъ фактически невозможны и этическія коллизіи [909]). Тутъ исчезаетъ самая почва для нравственнаго дѣланія и моральнаго сужденія. Въ опроверженіе подобныхъ толкованій едва ли требуется прибавлять, что этимъ зачеркивается реальное земное бытіе и вмѣстѣ съ нимъ упраздняется конкретная историческая личность, безъ которой не будетъ даже объекта для одухотворенія. Но безъ всякаго опыта было неотразимо, что данное положеніе граничитъ съ абсурдомъ и абсолютно ненатурально. Ради самой духовности необходимо было оградить подпадающую ей индивидуальность. Посему «не живу» у Апостола (въ Гал. II, 20) тѣсно совмѣщается съ «живу», которое утверждаетъ персональность, гдѣ вселяется Христосъ. Значитъ, одухотвореніе зиждется на прочномъ индивидуальномъ обезпеченіи, оно же гарантируется вѣрою въ Сына Божія [910]). Въ этомъ обнаруживается внутренняя связь взаимодѣйствія и взаимообщенія вѣры и Духа [911]), изъ коихъ второй предваряется и подготовляется первою. И мы находимъ, что самое полученіе Духа условливается слухомъ вѣры (Гал. III, 25) и посредствуется чрезъ нее. Такъ

---

[909]) *M. Steffen* въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" II (1901), 3, S. 238,1.

[910]) Въ этомъ смыслѣ и Rev. Prof. *Charles Bigg* видитъ въ Гал. II, 20 мистическое достоинство вѣры въ установленіи таинства единенія чрезъ нея со Христомъ (A Critical and Exegetical Commentary on the Epistles of St. Peter and St. Jude, Edinburgh 1901, p. 38).

[911]) По Rev. Prof. *James Denney,* понятіемъ Духа все христіанское характеризуется по своему источнику въ Богѣ, а по идеѣ вѣры описывается со стороны нашей взаимности при этомъ божественномъ дѣйствіи.

это безспорно и фактически, поелику Богъ послалъ Духа Сына Своего христіанамъ именно и единственно въ виду ихъ сыновства (Гал. IV, 6), а они суть чада Божіи только по вѣрѣ въ Господа Избавителя (Гал. III, 26). Духовность является спеціальнымъ аттрибутомъ сыновней полноправности, но разъ эта приносится вѣрою, то собственно въ ней духовная жизнь беретъ и самое свое начало (Гал. III, 3). По всему этому несомнѣнно, что вѣра считается prius для водворенія Духа, который обязательно долженъ функціонировать въ согласіи съ ея подлинными влеченіями.

Эта гармонія свидѣтельствуетъ о всецѣлой солидарности обоихъ факторовъ и не позволяетъ ожидать, чтобы они разошлись потомъ чуть не со враждебностію. Естественю, что усиливаются избѣжать этого вывода при помощи уловки, яко бы подобное первенство примѣнимо лишь къ миссіонерской практикѣ, отправляющейся отъ оглашенія [912]), между тѣмъ обращеніе самого Павла созидалось на духовномъ озареніи, которое всегда было для него объективнымъ базисомъ для субъективнаго убѣжденія вѣры [913]). Опять соображеніе не убѣдительное. Благовѣстникъ говоритъ принципіально и вовсе не намекаетъ на миссіонерскія приспособленія, ибо, не касаясь происхожденія сыновняго состоянія, къ нему одному пріурочиваетъ духовное участіе, котораго раньше или помимо его не допускаетъ. Иной порядокъ и представить нельзя, такъ какъ выходило бы, что человѣкъ обладаетъ сыновними привилегіями, не имѣя самаго сыновства. Значитъ, словами *живу же не къ тому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* Апостолъ и для себя описываетъ не жизнь до вѣры, потому что безъ нея и прежде ея не было бы жизни христіанской. Напротивъ, это жизнь въ вѣрѣ, которою бывшій гонитель умеръ для закона закономъ, чтобы жить Богу (Гал. II, 19). И поскольку новое бытіе есть собственно Христово, то индивидуально-плотское частію отвергается и частію оказывается опаснымъ для духовнаго и не-

---

Значитъ, въ обоихъ случаяхъ захватывается единый объектъ, и если въ немъ при извѣстной классификаціи преимущественно выдвигаются только одни свойства, то все же вмѣстѣ съ этимъ обязательно предполагается и вся сумма необходимыхъ качествъ. См. „The Expositor“ 1901, XII, p. 423. 426—427.

[912]) *M. Steffen* въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft“ II (1901), 3, S. 259—260.

[913]) *M. Steffen* ibid. II (1901) 3, S. 257—258.

примиримымъ съ нимъ, грозя космическими омраченіями при малѣйшихъ соприкосновеніяхъ. На этотъ счетъ и дѣлается предупрежденіе, что отнынѣ все индивидуально-земное существованіе поддерживается не обычными рессурсами и устрояется вѣрой. Ясно, что этимъ очерчивается прежнее положеніе съ тѣмъ оттѣнкомъ, что жизнь Христа во мнѣ бываетъ съ моей стороны жизнію вѣры въ Сына Божія. Въ этомъ единеніи оба акта совпадаютъ и пребываютъ неразлучными, почему ихъ разобщенность рѣшительно немыслима. Отсюда фальшиво и тенденціозное перетолкованіе, будто при немногихъ случаяхъ первенства вѣры Апостолъ тотчасъ же подкрѣпляетъ ея субъективную непрочность аппелляціей къ духовной незыблемости, за которою кроется самъ Богъ [914]). Облеченіе во Христа чрезъ крещеніе въ Него (Гал. III, 27) совсѣмъ не рисуется дарованіемъ сыновства, а удостовѣряетъ его фактическую наличность ссылкою на совершившееся сліяніе съ божественнымъ Сыномъ [915]). Подобно сему и увѣщаніе Коринѳянъ испытывать, въ вѣрѣ ли они, рекомендуетъ соизмѣрять нахожденіемъ въ нихъ Христа (2 Кор. XIII, 5) не степень крѣпости этой вѣры, но самое ея бытіе. Потому она необходима уже для возникновенія духовности и обязательно предопредѣляетъ, что послѣдняя развиваетъ подвигъ вѣры и работаетъ съ нею совмѣстно. Обитаніе Духа въ сердцахъ христіанъ утверждаетъ ихъ благодатное сыновство и служитъ отраженіемъ его (Гал. IV, 7), какъ ранѣе (III, 26) мы читали, что она порождается вѣрой. Духъ функціонируетъ на почвѣ вѣры и примѣняетъ ея начала. Понятно, что ихъ моральная энергія будетъ равною въ солидарномъ награжденіи возрожденныхъ всѣми сыновними прерогативами и въ сохраненіи ихъ на соотвѣтственной высотѣ. И конечное увѣнчаніе мотивируется этою взаимностію, разъ упованіе на соотвѣтственные праведности плоды мы почерпаемъ изъ вѣры чрезъ Духа (Гал. V, 5). Тѣмъ болѣе самое стремленіе къ этой цѣли требуетъ тожественнаго согласія. Но мы видѣли, что человѣкъ, живя по вѣрѣ, живетъ только ею и въ самой плоти, которая лишается всякаго активнаго вмѣшательства въ этотъ

---

914) *M. Steffen* въ „Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft" II (1901), 3, S. 257—258.

915) Конечно, тутъ всенепремѣнно бываетъ и соучастіе Духа, ибо—по справедливому наблюденію Rev. Prof. *James Denney* (въ „The Expositor" 1901, XII, p. 425)—въ Новомъ Завѣтѣ утверждается неразрывная связь крещенія съ Духомъ Св.

жизненный процессъ [916]). Не менѣе того и хожденіе Духомъ замыкается въ чистой духовности (Гал. V, 25) до такой самозаключенности, что при ней христіанинъ безусловно и навсегда не будетъ исполнять плотскихъ вожделѣній (V, 16: πνεύματι περιπατεῖτε, καὶ ἐπιθυμίαν σαρκὸς οὐ μὴ τελέσητε), ибо плотяность по своимъ похотямъ противна духовнымъ влеченіямъ, и незамѣтное или ненамѣренное переплетеніе ихъ принципіально невозможно безъ того, чтобы человѣкъ не чувствовалъ насильственной адверсативности плотскаго напора своему духовному усердію (V, 17) [917]). Съ этой стороны духовное плодоношеніе

---

[916]) Разумѣется, плоть остается въ своихъ физическихъ опредѣленіяхъ, свойственныхъ ей натурально, а потому являются неумѣстными туманныя слова о. протоіерея *І. И. Бѣляева,* будто „реально-сакраментальный человѣкъ свободенъ и отъ физическихъ особенностей, которыми надѣляетъ человѣка природа“ (Ученіе св. Апостола Павла о вѣрѣ, Москва 1900, стрн. 386), такъ какъ яко бы „въ христіанинѣ реально-сакраментально уничтожаются и особенности половъ“ (стрн. 384).

[917]) Разъ религія должна выражаться въ нравственности (*Alexander Röhricht,* Das menschliche Personenleben und der christliche Glaube nach Paulus, S, 103,1),—этимъ самымъ возможность для христіанина грѣха предполагается у св. Павла (ср. Pfarrer *R. Vömel,* Der Begriff der Gnade im Neuen Testament въ „Beiträge zur Förderung christlicher Theologie“ herausg. von Prof. A. Schlatter und H. Cremer VII [1903], 5, S. 32),—какъ и въ Ветхомъ Завѣтѣ (см. Prof. *Hermann Cremer*, Die paulinische Rechtfertigungslehre im Zusammenhange ihrer geschichtlichen Voraussetzung, S. 47[1]),—столь ясно (см. Lic. theol. *Gerhard Bindemann,* Das Gebet um tägliche Vergebung der Sünden in der Heilsverkündigung Jesu und in den Briefen des Apostels Paulus въ „Beiträge zur Förderung christlicher Theologie“ VI [Gütersloh 1902], 1, S. 86 ff.), что противное мнѣніе (напр., еще у Prof. *H. J. Holtzmann*'а, Lehrbuch der neutestamentl. Theologie II, S. 59. 118. 121; *Wilhelm Karl*'а, Beiträge zum Verständnis der soteriologischen Erfahrung und Spekulationen Paulus, Strassburg 1896, S. 14 ff.) считается не только доктринерски ложнымъ (*Max Meyer,* Die Sünde des Christen nach Pauli Briefen an die Korinther und Römer, Gütersloh 1902, S. 67. 73), но и еретическимъ (S. 75). Апостолъ рѣшительно провозглашалъ единство религіи и морали (S. 18), какъ основоположенія и примѣненія (S. 31), и у него религіозность неразрывна отъ морали, а этическое обязательно бываетъ религіознымъ (S. 42). Посему оправданіе утверждаетъ собственно принципіальный разрывъ со грѣхомъ (Prof. *Rudolf Trümpert,* Die Lehre von der Sünde nach den Schriften des Neuen Testaments, Darmstadt 1901, S. 11), который былъ для всѣхъ новозавѣтныхъ писателей зломъ (S. 24) совсѣмъ не просто тѣлеснаго происхожденія (S. 25), чѣмъ для вѣрующаго создается этическая задача для выполненія при руководствѣ Духа. Естественно, что принимается судъ по дѣламъ (*M. Meyer* l. cit., S. 58). Послѣдняя мысль (*G. Bindemann* l. cit., S. 78 ff.), очевидно, не находится въ противорѣчіи съ ученіемъ о благодатной

будетъ именно содержаніемъ жизни по вѣрѣ во плоти, но безъ плоти. Эта отрицательная формула отнынѣ освѣщается положительно, что жизнь безъ плотянаго соучастія есть духовная плодотворность. Очевидно, что и на этой степени духовныя функціи сопроникаются стихіями вѣры и направляются ею [918]). Неудивительно, что ея контролю подпадаютъ и важныя чрезвычайныя дѣйствія Духа, какъ мы фактически нашли, что духовныя дарованія регулируются вѣрой [919]).

праведности по вѣрѣ (S. 81 ff.) и потому является не чужеродною въ апостольской системѣ (S. 85), а этимъ утверждается ея исконная неизмѣнность. Не обезпечиваетъ обратнаго заключенія и ссылка на то, что у св. Павла не упоминается о прошеніи молитвы Господней насчетъ оставленія грѣховъ (см. у *G. Bindemann,* l. cit., S. 10. 11. 64). Таковое необходимо предполагается существомъ дѣла (Lic. theol. ***Max Meyer***, Der Apostel Paulus als armer Sünder: ein Beitrag zur paulinischen Hamartologie, Gütersloh 1903, S. 32), ибо христіанинъ не сразу получаетъ отвнѣ окончательное совершенство (S. 34), котораго онъ долженъ достигать путемъ постепеннаго развитія (S. 23 f.), и тутъ никто не свободенъ вполнѣ отъ грѣха фактически по одному своему христіанскому званію (Prof. *Paul Feine*, Die Erneuerung des paulinischen Christentums durch Luther, Lpzg 1903, S. 14. 25); нравственное очищеніе считалъ нужнымъ для себя даже самъ эллинскій благовѣстникъ (*M. Meyer* l. cit., S. 33. 39 f. 49), яко бы изображающій въ Рим. VII христіанское состояніе (S. 54. 56, но противъ сего о. *Алексій В. Бугровъ,* Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ, Кіевъ 1904, стрн. 19 сл. 119 сл.; ср. и выше на стрн. 570,502). Во всякомъ случаѣ ни откуда не слѣдуетъ, что св. Павелъ былъ пневматикъ - энтузіастъ (ср. и прим. 919), разъ онъ покорилъ весь міръ (*G. Binemann* l. cit., S. 75) и произвелъ въ немъ самую глубокую революцію (Dr. *Chr. A. Bugge,* Das Christentum als Religion des Fortschritts: zwei Abhandlungen, aus dem Norwegischen übersetzt von O. v. Harling, Giessen 1900, S. 4). Тогда ему невозможно было забывать о человѣческой погрѣшительности, которая и для христіанства несомнѣнно допускается понятіемъ отвѣтственности. Значитъ, не усматривается разрыва въ этическихъ созерцаніяхъ Апостола, и у него въ этомъ нунктѣ нѣтъ отличія отъ Христа (*G. Bindemann* l. cit., S. 103). Съ этой стороны опять устраняется идея двойственности этическихъ теченій, которыя пытаются связать съ аспектами вѣры и Духа.

918) Поэтому у Rev. Prof. *James Denney* справедливо констатируется (въ „The Expositor“ 1901, XII, p. 430), что „Духъ вовсе не антиномистиченъ“ и „не открываетъ дверей для антиноміанизма или для моральнаго анархизма“.

919) См. выше на стрн. 782,917. Значитъ, у Апостола Павла предположенія для воспріятія Духа—чисто моральнаго свойства (Prof. *C. F. Georg Heinrici,* Das Urchristentum, Göttingen 1902, S. 46), а потому первохристіанство не было и не должно быть почитаемо обществомъ энтузіастовъ (S. 47), о чемъ ср. и выше на стрн. 601,574. 752,862.

Мы прослѣдили соотношеніе обоихъ факторовъ на всѣхъ стадіяхъ и въ результатѣ не усматриваемъ самомалѣйшаго контраста между ними. Они сказываются въ содружествѣ благодатнаго процвѣтанія. Таковое начинается избавленіемъ отъ грѣховной безпомощности въ пріобрѣтеніи свободы Христовой. Смерть Господня не просто отрицаетъ или осуждаетъ рабство, а упраздняетъ ее дарованіемъ господства. Тутъ фактъ вытѣсняется и подавляется фактомъ. Съ этой точки зрѣнія ошибочно то мнѣніе, яко бы при оцѣнкѣ по масштабу вѣры голгоѳской жертвѣ усвояется только юридическая важность зачисленія правды Христовой при устраненіи преградъ у человѣчества съ Богомъ, тогда какъ воспріятіе божественнаго оживленія достигается при духовно-мистическомъ созерцаніи. Это преувеличеніе опровергается уже тѣмъ, что вездѣ констатируется наступленіе наслѣдственной правоспособности со всѣми данными для безконтрольнаго пользованія завѣщаннымъ достояніемъ, которое бываетъ въ реальномъ обладаніи. Равнымъ образомъ и замѣна Христомъ грѣховныхъ людей не исчерпывается юридическою отвлеченностію; напротивъ, въ самомъ этомъ актѣ мыслится и единеніе всякаго человѣка съ Господомъ, почему возрождающая животворность не представляется независимою отъ замѣстительнаго умилостивленія Христова, а включается въ послѣднемъ и вытекаетъ изъ него [920]. Съ этой стороны является экзегетически необоснованнымъ, будто св. Павелъ понималъ оправданіе лишь юридически [921], между тѣмъ юридическій моментъ у него обязательно содержалъ и фактическое закрѣпленіе правового порядка со всѣми его преимуществами. Новая жизнь бываетъ не прибавленіемъ къ праведности, но соприсуща ей, ибо вторая есть *оправданіе жизни* (Рим. V, 18), которая должна протекать согласно своему возникновенію или съ этическою корректностію [922]. Поэтому

---

[920]) См. у Rev. Prof. *James Denney,* The Theology of the Epistle to the Romans 5: Faith and the Righteousness of God въ „The Expositor“ 1901, VIII, p. 84 sq.

[921]) Такъ и Prof. *Herm. Cremer.* Die paulinische Rechtfertigungslehre im Zusammenhange ihrer geschichtlichen Voraussetzungen (Gütersloh [2]1899), S. 330 ff. 335, при чемъ допускается, что оправданіе есть собственно избраніе (S. 80), ибо, равняясь вѣрѣ (S. 48), само по себѣ оно бываетъ безъ нравственнаго возрожденія (S. 51).

[922]) Rev. Prof. *James Denney,* The Theology of the Epistle to the Romans 6: The Righteousness of God and the New Life въ „The Expositor“ 1901, X, p. 302.

для Апостола праведность Божія не была просто элементомъ его Евангелія, а обнимала послѣднее всецѣло [923]) во всей глубинѣ благовѣствованія о реальномъ обновленномъ бытіи. При такихъ условіяхъ едва ли нужно аргументировать, что вѣра не принималась у св. Павла за чисто интеллектуальную энергію [924]) и была для него силою реальнаго избавленія съ сообщеніемъ дѣйствительной сыновней свободы. Прежнее рабство заключалось въ подавленіи ослабленной духовности чрезъ плотянность, откуда понятно, что и торжество будетъ истинно духовною нестѣсняемостію. Такъ создаются почва и просторъ для пневматическихъ вліяній, которыя ранѣе не имѣли бы соотвѣтственнаго пункта приложенія и лишались всякой благоплодности. Они утверждаются на оживленіи вѣры и функціонируютъ въ ея сферѣ. Работа Духа утверждается на вѣрѣ и движется по путямъ вѣры, почему и нормируется ею въ своихъ фактическихъ обнаруженіяхъ среди членовъ христіанскаго братства. Внѣ и помимо вѣры нѣтъ «явленій Духа на пользу» (1 Кор. XII, 7). Значитъ, духовность по ея примѣненію обезпечивается вѣрой на всѣхъ стадіяхъ водворенія и функціонированія. Но не менѣе незыблемо подобное сужденіе и обратно. Вѣра, поскольку она сводится къ духовному освобожденію, непремѣнно должна сопровождаться полнотою духовной жизненности и безъ нея совершенно невозможна [925]). По этой причинѣ Духъ служитъ запечатлѣніемъ наличности вѣры и свидѣтельствуетъ о нормальномъ ея состояніи. И если вѣра бываетъ предвареніемъ и неотлучнымъ спутникомъ Духа, то въ свою очередь и Духъ оказывается необходимымъ факторомъ самаго бытія вѣры въ возрожденномъ. Ихъ нельзя ни расторгать, ни противополагать, разъ они сходятся въ единомъ центрѣ, а потому и у Апостола чрезъ нихъ не отмѣчаются два различныя воззрѣнія, коль скоро совмѣстностію ихъ онъ характеризуетъ цѣлостную облагодатствованную индивидуальность. Въ ней они неразрывны, хотя и отмѣчаютъ различныя стороны. Чрезъ это точнѣе опредѣляется подлинное соотношеніе обоихъ моментовъ. Вѣра, прилѣпляя насъ ко Христу страждущему *и воскресшему*, *изъемлетъ отъ* грѣховнаго младенче-

---

[923]) Rev. Prof. *James Denney* въ „The Expositor“ 1901, X. p. 299.

[924]) Такъ ошибочно предполагаетъ *William Mackintosh,* The Natural History of the Christian Religion (Glasgow 1894), p. 423 и ср. 424 sq.

[925]) См. и на стрн. 603—604.

ства и награждаетъ полномощностію наслѣдничества по сыновству, каковое пріобрѣтается чрезъ пріобщеніе къ Сыну натуральному вторично или путемъ усыновленія, но истинно. Вѣра чрезъ Господа даруетъ и ограждаетъ сыновнее достоинство. Послѣднее же неизбѣжно раскрывается со свойственною ему духовностію и свою жизненность воспринимаетъ отъ Духа, Который бываетъ непремѣннымъ двигателемъ сыновняго возрожденія и процвѣтанія. Въ концѣ концовъ обоими обезпечивается одно положеніе въ его возникновеніи и развитіи съ гармоническимъ стремленіемъ къ охраненію сыновней неприкосновенности.

Здѣсь этическія задачи будутъ солидарными по самой общности своего предмета и для него сводятся къ тому, чтобы не допускать вторженія космически-плотяныхъ началъ, поелику этотъ предметъ держится именно на абсолютномъ преодолѣніи ихъ рѣшительной несоподчиненности. Посему и вѣра и Духъ бываютъ равно отрицательными для міра и отвергаютъ всякое его сопричастіе къ происхожденію и прогрессированію «новаго творенія» чадъ Божіихъ. Въ этомъ пунктѣ нѣтъ ни малѣйшей разности, и вѣра не менѣе Духа отклоняетъ человѣка отъ космоса, потому что вмѣстѣ съ Нимъ обосновываетъ благодатную автономность [926]). Теперь видно, что самая отрицательность направляется къ утвержденію господства возрожденнаго бытія, которое по самому своему существу все покоряетъ и приспособляетъ къ своимъ интересамъ и цѣлямъ. Отсюда раждается соотвѣтственная потребность къ претворенію космическаго по своему типу съ преобразованіемъ всего строя. Въ этомъ заклю-

[926]) Все это относится исключительно къ благодатному возрожденію, а потому Rev. Prof. *Charles Bigg* вѣрно замѣчаетъ объ Апостолѣ языковъ (A Commentary on the Epistles of St. Peter and St. Jude, p. 42), что „it is simply the free expression of his mystic belief that all external authority disappeared with the advent of the Spirit“, при чемъ „closely to the continuity of the faith is its authority. In the view of St. Paul there is no authority except that of the inner light; the spiritual man judged all things, and is judged of none. Freedom is emancipation from all external control; it is based on that conscious union with God which lifts a man above all precepts and ordinances“. Но понятно, что благодатная свобода въ себѣ самой носитъ и свое ограниченіе, потому что она непремѣнно и всегда бываетъ только христіанскою (ср. у *насъ* въ „Страникѣ“ 1903 г., XII, стрн. 641—643, и ср. Благовѣстіе христіанской свободы въ посланіи св. Апостола Павла къ Галатамъ, стрн. 116—117, и въ „Страникѣ“ 1902 г., VII, стрн. 32—33).

чается непремѣнная этическая задача каждаго христіанина въ здѣшнемъ земномъ странствованіи, чтобы все мірское трасформировать вліяніями благодати. Тутъ вѣрующій отправляется отъ своего фактическаго облагодатствованія и только въ мѣру его достигаетъ того или иного успѣха. Нравственная жизнь христіанская не есть простое исповѣданіе идеала, изъ котораго теоретически извлекается извѣстная этическая программа для своего поведенія при воздѣйствіи на окружающее [927]). Нѣтъ, это является здѣсь приложеніемъ самого возрожденія, степень коего предрѣшаетъ и весь результатъ. Вотъ почему анахореты и отшельники часто оказывали наибольшее облагороживающее вліяніе на міръ, между тѣмъ убѣгали отъ него и устранялись всячески. И вся причина въ томъ, что въ христіанствѣ нравственность бываетъ непосредственнымъ отраженіемъ личной нравственной чистоты, которая обязательно распространяется внѣ въ ширину и въ глубину пропорціонально своимъ запасамъ, какъ солнце излучаетъ съ непринужденностію и непреоборимостію [928]). Поэтому и великіе подвижники христіанскіе должны были сіять свѣтомъ своихъ доблестей и перерождали этически соприкосновенную современность до послѣднихъ периферій, куда проникала ихъ собственная нравственная сила.

Но если этическія требованія христіанскія почерпаются въ благодатномъ обновленіи и осуществляются по его стихіямъ, то понятно до ослѣпительности, что эта работа совершается при помощи тѣхъ самыхъ факторовъ, которыми создается реальная основа. А разъ тутъ солидарно соучаствуютъ вѣра и Духъ,—этимъ категорически свидѣтельствуется, что ими же исполняется и этическій подвигъ. По этимъ соображеніямъ будетъ принципіально ложнымъ говорить, что у Апостола языковъ только вѣрѣ усвояется этическая важность, тогда какъ Духъ яко бы производитъ лишь экстатическую индифферентность. Напротивъ, оба они совмѣстно вызываютъ и гарантируютъ самую этическую энергію, почему бываютъ неразлучными и при ея функціонированіи. Правда, христіанинъ жи-

---

[927]) Ср. и на стрн. 603—604.

[928]) Въ болѣе широкомъ примѣненіи прекрасно сказано и у *Э. Ренана* что „прочность зданія религіи стоитъ въ точномъ соотношеніи съ суммою добродѣтели, самопожертвованія и самопреданности, какія заложены въ ея фундаментъ“: Vorträge von *Ernest Renan*, frei bearbeitet von Dr. Gottfried Hessel (Lpzg 1880), S. 42.

ветъ въ мірѣ вѣрою, но эта жизнь вѣры всегда совершается въ Духѣ, который обязателенъ и при этическомъ подвигѣ вѣры въ возобладаніи надъ космосомъ и при его трансформированіи. При такомъ соотношеніи строгой взаимности этическаго процесса съ возрожденнымъ состояніемъ необходимо, что всѣ этическія нормы извлекаются изъ второго. И св. Павлу не было надобности обращаться къ постороннимъ пособіямъ при вседовлѣющемъ источникѣ въ созерцаніи благодатнаго обновленія. Само собою ясно, что излишне и генетическое привлеченіе книги Премудрости Соломоновой, которая, впрочемъ, не страдаетъ по этому предмету школьно-философическою тенденціозностію, ибо даже въ самыхъ характерныхъ мѣстахъ (VIII, 7) отражаетъ своею терминологіей общее достояніе тогдашняго эклектизма [929]). Конечно, тамъ софія рисуется «принципомъ универсальнаго разума и нравственнаго закона» [930]),—только все это для Апостола совмѣщалось въ историческомъ Избавителѣ, отъ Котораго почерпались всѣ этическіе рессурсы въ самомъ возрожденіи. Въ послѣднемъ по своему вліянію солидарно соучаствуютъ вѣра и Духъ, поелику самая эта благодатная реальность покоится на нихъ, разъ первая даруетъ сыновство, второй входитъ въ содержаніе сыновней жизни. У насъ получаются состояніе благодатное и его активность этическая. Это двѣ стороны, совпадающія въ цѣлостномъ объектѣ, но все же не поглощающія и не покрывающіяся до тожества. Посему ихъ солидарность въ конкретномъ сцѣпленіи вовсе не говоритъ о персональномъ единствѣ первовиновниковъ и скорѣе убѣждаетъ въ ихъ индивидуальномъ двойствѣ при полномъ равенствѣ по существу. Этимъ и разность не отрицается и согласіе обезпечивается, коль скоро въ вѣрѣ Христосъ награждаетъ сыновствомъ и предрѣшаетъ сыновную духовность, а Духъ надѣляетъ сыновними плодами и сохраняетъ самую сыновность.

Н. Глубоковскій.

---

929) См. *Edm. Pfleiderer*. Die Philosophie des Heraklit von Ephesus im Lichte der Mysterienidee, S. 293. Ср. и выше на стрн. 660,840.

930) Кн. *С. Н. Трубецкой*, Ученіе о Логосѣ въ его исторіи I, стрн. 89 и въ „Вопросахъ философіи и психологіи“ VIII, 40 (кн. V за 1897 г.), стрн. 827.